

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 125 (3626)

Суббота, 20 октября 1956 г.

Цена 40 коп.

За деловую дружбу собрашье в по перу

XX съезд партии отметил, что советская литература все еще отстает от нашей жизни, все еще не полностью удовлетворяет духовные запросы советских людей — строителей коммунизма. Сейчас каждого писателя заботит одна работа: что надо сделать, чтобы исправить этот существенный недостаток, какие средства и меры могут содействовать появлению новых хороших произведений — таких произведений, о которых читатель скажет: «Вот эта книга помогает честно трудиться и жить». Мы убеждены, что на последнюю роль в этом ответственном деле должны будут сыграть и организационные мероприятия. От работы союзов писателей, от их инициативы зависит многое.

У нас, группы узбекских поэтов, возникли такие предложения. Нам кажется, что для общего подъема нашей многонациональной литературы писателям братских республик нужно более, конкретно, углубленно обмениваться творческим опытом, сотрудничать более тесно и постоянно. Наши творческие связи и знакомства зачастую ограничиваются лишь встречами в Москве — на пленумах, совещаниях или декадах, где мы не можем избежать некоторой торжественной официальности. К тому же в таких встречах участвуют обычно не многие, а только наиболее известные литераторы. А между тем нам было бы полезно завязать замыслами и планами, критиковать друг друга, вместе развить литературную смену.

Мы предлагаем нашим собратьям по перу организовывать в соседних республиках, — скажем, в среднеазиатских, кавказских, прибалтийских, — региональные совещания литераторов. В основу таких совещаний можно положить «жарновый» принцип. У нас имеется положительный опыт деловых обсуждений во время декад в Москве, опыт региональных совещаний ученых — историков, лингвистов, литературоведов.

Нас, узбекских поэтов, волнуют, например, такие вопросы: как освоить поэтическое наследие, что в так называемой восточной поэзии живет до сих пор, что такое национальная поэтическая форма, как, в частности, она проявляется в стихосложении, и т. д. и т. д. Почему же нам не сделать первую попытку — не собраться в Ташкенте и вместе с товарищами из Казахстана, Киргизии, Туркмении, Азербайджана, Татарии, Башкирии, Кара-Калпакии не обсудить эти во-

просы и общие проблемы развития советской поэзии? Тем более, что поэты тюркоязычных народов могут читать и понимать друг друга без переводов.

Разумеется, было бы хорошо и полезно, если бы в этом совещании, как и в региональных совещаниях писателей и поэтов других групп республик, приняли участие литераторы из Москвы, Ленинграда, Киева, далекой Якутии, Прибалтики и т. д.

Еще одно предложение. На наш взгляд, целесообразно шире, организационно и продуманнее практиковать проведение недель и декад той или иной национальной литературы в какой-либо братской республике. Ценные советы нам могут дать литовские писатели, знакомые в прошлом году эстонской общественности со своими произведениями, белорусские писатели, которые недавно встречались с молдавскими читателями, абхазские и югославские прозаики и поэты, готовящиеся сейчас вместе с грузинскими друзьями и своим декадам в Тбилиси. Полезный опыт накопится и у нас в Ташкенте, где будет проходить декада кара-калпакской литературы.

Неделям и декадам национальных литератур можно придать еще больший «территориальный» размах, проводя их в отдаленных друг от друга республиках.

Обо всем этом стоит как следует подумать. Мы убеждены, что и региональные совещания и недели братских литератур будут способствовать развитию многонациональной советской литературы, помогут выявиться молодым талантам, помогут активизировать работу критиков из республик. Не стоит пугаться серьезных трудностей организационного и материального порядка, с ними мы, конечно, столкнемся, осуществляя эти большие и достаточно «апробированные» мероприятия.

Мы просим «Литературную газету» напечатать наше письмо и надеемся, что оно получит поддержку и отклик наших коллег. Надеемся также, что оно будет замечено и секретариатом Союза писателей СССР.

**АИБЕК, ГАФУР ГУЛЯМ, ШЕЙХЗАДЕ,
ЗУЛЬФИЯ, БАБАДЖАН, МИРМУХСИЯ,
Хамид ГУЛЯМ, Саибр АБДУЛЛА,
М. БАБАЕВ**

ТАШКЕНТ

ФОРУМ „ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ“

Клод КОРЕА,
Верховный комиссар Цейлона
в Англии

НА СУЩНУЮ НЕОБХОДИМОСТЬ

Вот ответы на два вопроса, которые мы предложили мне.

1. Я верю в идею мирного сосуществования и принимаю ее как необходимую основу для мира во всем мире. Если ее примут народы и страны всего мира, тогда не останется места для войн или угроз войны. Для того чтобы достигнуть мирного сосуществования, нужны настойчивые и неослабные усилия, которые разрушат барьеры неведения, страха и подозрения, существующие между отдельными государствами. Мы должны установить, подлинное взаимопонимание и дружбу между народами и странами, и каждое государство словами и делами должно способствовать созданию атмосферы доброй воли и искренней дружбы. Мирное сосуществование может жить и процветать только в атмосфере подобного рода. Сами страны должны осуществлять эту идею.

2. Оно принесет мир не только народу моей страны, но и всем народам. Это — насущная необходимость нашего времени. С мирным сосуществованием наступит доверие, спокойствие, свобода от страха и подозрения. Колоссальные расходы, которые ныне влечет за собой вооружение, уменьшатся, и высвободившиеся средства и люди смогут быть использованы для конструктивного развития всех государств. Оно приведет к расширению мировой торговли и полной занятости рабочих. Оно уничтожит голод и нужду, неграмотность и болезни, поднимет жизненный уровень людей, которые сейчас часто еще не обладают даже прожиточным минимумом. Оно принесет миру процветание и счастье. Вот какова реальная польза, которую принесет с собой практическое осуществление идеи мирного сосуществования между странами мира.

Клод Ко́реа

Утун Танган СОНТАНИ,
индонезийский писатель

МИР СУЛИТ НАМ РАСЦВЕТ

В ответ на ваше письмо я с большой радостью высказываю свое мнение. Я всецело поддерживаю идею мирного сосуществования народов всего мира и уважения чужого образа жизни. При нынешних формах ведения войны ни одна воюющая сторона не сможет одержать окончательную победу. Я убежден, что новая мировая война привела бы лишь к полному разрушению нашей планеты и уничтожению всего человечества.

Реальные преимущества для моего народа могут быть получены только в атмосфере мирного сосуществования, потому что только в мирных условиях мой народ может свободно развиваться и совершенствовать свои достижения.

Народ Индонезии, только что сбросивший с себя оковы колониализма и в прошлом не имевший возможности развивать свою культуру, теперь преисполнен желания, чтобы страна его расцвела, как сад.

А это может осуществиться только в атмосфере всеобщего мира и взаимопонимания.

Утун Танган СОНТАНИ

ДЖАКАРТА, Индонезия

The Literary
Gazette
Forum

Le Forum
de la Gazette
Littéraire

Das Forum
der Literarischen
Zeitung

Сегодня мы снова публикуем высказывания участников международного форума «Литературной газеты». Этой публикацией редакция завершает развернувшийся обмен мнениями по вопросу о мирном сосуществовании, хотя, вне всякого сомнения, газета еще не раз в той или иной форме будет возвращаться к этому животрепещущему, важнейшему вопросу наших дней.

1. Каково ваше отношение к идее мирного сосуществования?

2. Какою реальною пользу сулит мирное сосуществование вашему народу?

На эти вопросы редакции, обращенные к зарубежным деятелям, ответили 29 человек — представители 17 государств. Ранее полученные ответы были помещены на страницах нашей газеты 19 мая, 5 июня, 10 июля и 4 августа 1956 года. Сегодня в форуме — трибуне заочной дискуссии — выступают:

Кони Зиллиакус — известный английский общественный и политический деятель, депутат парламента, член лейбористской партии. К. Зиллиакус — сторонник расширения сотрудничества с Советским Союзом, разоружения, создания атмосферы миролюбия и доверия в отношениях между государствами.

Клод Ко́реа — видный цейлонский политический деятель, Верховный комиссар Цейлона в Англии. Сэр Клод Ко́реа возглавлял Правительственную делегацию Цейлона, приезжавшую недавно в Москву для переговоров с Советским правительством.

Утун Танган СОНТАНИ — индонезийский писатель, автор романов, рассказов и пьес. В Индонезии наибольшей популярностью пользуются его исторический роман «Тамбера», рассказывающий о бесчинствах голландских колонизаторов на острове Банда, и пьеса «Цветок из ресторана», посвященная социальной теме.

Кандидат Янагида — японский ученый и общественный деятель, член Японского комитета защиты мира. Профессор К. Янагида участвовал в работе Международной конференции по ослаблению напряженности в международных отношениях, состоявшейся в 1954 году в Стокгольме, и на обратном пути на родину посетил Советский Союз и Китайскую Народную Республику. Об этой поездке он написал книгу «Наше путешествие в истину».

Том Драйвер — депутат английского парламента, член Национального исполнительного комитета лейбористской партии, видный публицист. Он активно выступает за разоружение, за дальнейшее смягчение международной обстановки.

Морарджи Десаи — индийский государственный деятель, главный министр правительства штата Бомбей.

Редакция благодарит всех участников этого международного форума, любезно откликнувшихся на обращение «Литературной газеты».

МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ

К. ЗИЛЛИАКУС,
член английского парламента

Я охотно принял любезное приглашение редактора «Литературной газеты» высказать свое мнение о «мирном сосуществовании», так как считаю, что чем чаще мы будем обмениваться взглядами и обсуждать свои различные точки зрения, тем скорее достигнем того рода взаимоотношений, которые соответствуют понятию «мирное сосуществование».

Под этим выражением я понимаю примерно то, что презид. Тито когда-то назвал «активным сосуществованием» — определил, как неустанные попытки улучшить отношения путем взаимных и взаимных усилий, направленных к тому, чтобы устранить разногласия и примирить противоположные точки зрения. Я добавил бы к этому определению: а также путем расширения торговли и сотрудничества во всех областях знания, техники, в области социальной и экономической и во всем том, что представляет общий интерес, путем обсуждения, обмена информацией и сношений на всех уровнях — правительственном, парламентском, профессиональном (включая обмен спортивными, студентами и туристами).

Средством осуществления активного сосуществования является Организация Объединенных Наций. Политика активного сосуществования — это политика, стремящаяся к тому, чтобы равновесие сил, выражаемое в военных союзах и гонимых вооружений, перестало быть основой взаимоотношений великих держав и чтобы его место занял Устав ООН. Такая политика выражалась бы в региональных соглашениях о политическом и экономическом сотрудничестве и сокращении вооружений и сохранении мира коллективными мерами, в которых участвовали бы и социалистические и не социалистические державы, в решении текущих вопросов согласно Уставу ООН.

Возьмем, например, вопрос о Германии. В этом случае проведение в Европе политики, основанной на Уставе ООН, означало бы заключение регионального соглашения, включающего всех европейских членов Организации Объединенных Наций, основанного на Уставе ООН и отвечающего его обязательствам. Германия была бы объединена в существующих границах, вне соперничавших союзов и путем свободных выборов, а затем была бы соучастницей регионального пакта. Последнее предусматривало бы полное исключение Германии из военных обязательств НАТО, западноевропейского и варшавского союзов; вывод всех иностранных вооруженных сил из Германии; сокращение, ограничение вооружений Германии и ее соседней и контроль за этим со стороны Европейского комитета Совета Безопасности (в которой вошла бы и Германия) в качестве первого шага к общему соглашению о разоружении.

Региональное соглашение предусматривало бы также, что, как только эти пункты вступят в силу, высокие договаривающиеся стороны обязуются не предпринимать действий согласно какому-либо военному обязательству по какому-либо договору без разрешения Совета Безопасности.

Все эти обязательства и региональные соглашения, вместе взятые, подлинно бы военные союзы системы сохранения мира, предусмотренной Организацией Объединенных Наций, и сделали бы Устав ООН реальной и эффективной основой для взаимоотношений между великими державами, а также между ними и всей остальной Европой.

Когда будет достигнуто соглашение об организации коллективной безопасности в Европе, не будет слишком трудно найти компромиссное решение вопроса о способах объединения Германии.

Другой пример. И в Среднем Востоке можно найти компромиссные решения и достигнуть активного сосуществования, если упразднить багдадский пакт и заменить его принципами Устава ООН, как основой для взаимоотношений великих держав. Таким образом, будет возможно примирить политические права национального суверенитета с экономическими интересами всего мира, сочетать урегулирование суэцкого вопроса с ликвидацией условий с восстановлением мира с Израилем, с технической и финансовой помощью для сооружения Асуанской плотины, экономическим развитием на Среднем Востоке в целом и, в конечном счете, с пересмотром конвенции, касающейся Дарданелл, заключенной в Монтре.

Я считаю, что западные державы и Советский Союз смогут найти прочную основу для политики активного сосуществования только в обязательствах и учреждениях ООН. Как мне кажется, общие линии политики, намеченной мною, не противоречат внешнеполитическим заявлениям и действиям Советского правительства за последние два года. Я уверен: если бы на Западе, особенно в Англии, стало известно, что Советское правительство действительно готово искать решения вопросов, которые до сих пор разделяют нас, в рамках ООН, что оно готово строить мир в Европе, на Среднем и Дальнем Востоке, основываясь на целях, принципах и обязательствах Устава ООН, и что оно пойдет навстречу на этом пути, то воздействие этого на общественное мнение и на политику правительства у нас и не только у нас было бы глубоким, значительным, и в конечном счете, решающим.

К. Зиллиакус

ВОПРОС ЖИЗНИ

Кандидат ЯНАГИДА,
японский ученый

1. Я очень рад, что мирное сосуществование стало реальным принципом действия, перестав быть отвлеченной идеей. Наконец, наступило время, когда можно предотвратить войну, ибо силы народов всего мира мощно выросли. Этого никогда еще не было в истории человечества. Таким образом, у нас теперь есть возможность навсегда смести всякую войну с лица земли.

В какой счастливый и славный век мы живем!

ронника мира, несмотря на репрессии, которым оно подвергалось, ныне превратилось в движение, охватывающее подавляющее большинство японского народа.

Янагида

(Окончание на 4-й стр.)

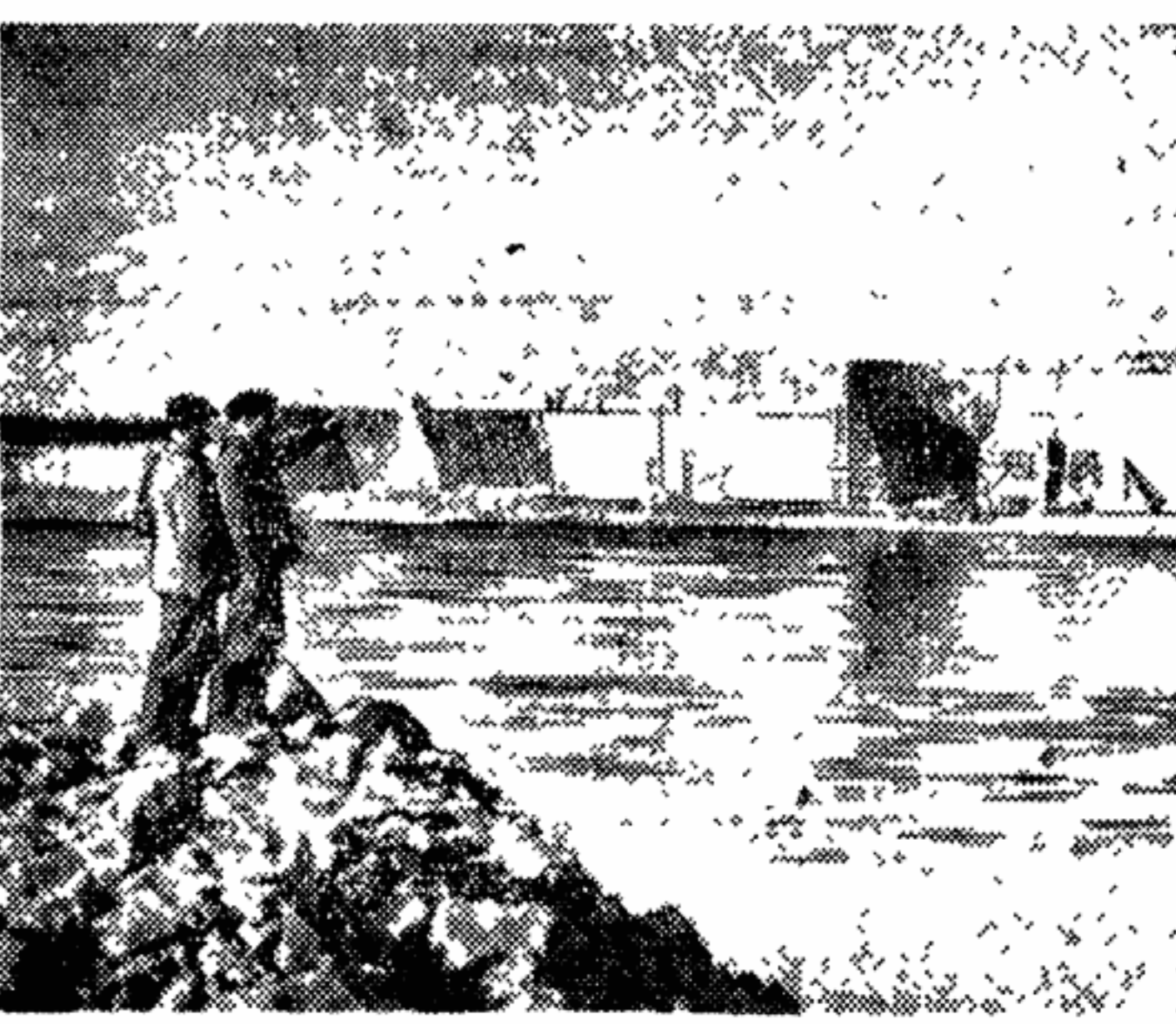
НА СТРОЙКАХ ШЕСТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Перед штурмом Оби

Хорошо на Оби в эти последние погоде дни сибирской осени! Скрытое в заоблачной выси, неяркое, но еще теплое солнце мягко освещает удивительно разнообразную по своей расцветке леса по берегам реки. В голубоватой прозрачной дымке тонут заречные дали. Нетропыливо, но уверенно, будто все вокруг ей подвластно, несет свои воды величая Обь. И кажется, что нет силы способной сломить с нею.

Но там, где на изрезанных подъязными путями берегах вырос лес подземных крапов, где четко рисуются силуэты плотин, уже началось наступление на великую реку. Назначен и день перекрестия русла Оби — 25 октября. Этим живет сейчас вся стройка. Велю критиче русла могучей реки — это первый значительный этап огромной работы строителей, первая победа над великой сибирской рекой. Это означает, что уже в будущем году пароды пойдут через судорожные устройства гидроузла, что скоро вступит в действие первые его агрегаты.

...Этакая Новосибирской ГЭС. Широкая панорама строительства открывается отсюда. Там, на противоположном правом берегу, — огромная земляная плотина, наматая земснаряды и мощными гидромоторами. Она уже далеко к левому берегу отнеслась воды Оби. Там — беспрерывное движение машин. Самосвалы один за другим сбрасывают у берега камень. Все дальше в воду врезается темная полоса каменного банкета. Все более суживается русло реки.

Все более суживается русло реки... Фото К. Лисовского

Прямо перед нами, в котловане будущего здания ГЭС, гремит железо, сыплется золотой дождь электросварки. Подземные краны плавно несут тяжелые детали металлических конструкций. На бетонном основании уже ведется монтаж первой турбины. Если внимательно взглянуть, то в этом скоплении машин, бетона, металла можно различить контуры стации, обозначенные решетчатыми секциями арматуры.

Рядом с котлованом ГЭС высятся сооружения водосливной плотины. Сейчас здесь, как и на правом берегу, где насапается каменный банкет, со-

средоточены самые ответственные работы. Когда те, что идут с правого берега, перекроют Обь, ее воды хлынут именно сюда, в пролеты водосливной плотины. А чтобы подготовить ее к затоплению, нужно успеть закончить все бетонные работы, смонтировать закладные части для затворов плотин, — одним словом, дел еще много. И люди работают, не считаясь ни с чем.

Вот, забравшись на десятиметровую высоту блоков плотины, между которыми помпичас обская вода, закрепившись за металлические прутья, плотники бригады Венямина Михайловича Булатова монти-

руют опалубку. Нелегкое это дело, но бригада в два раза перевыполняет задание. Буквально считанные дни остались до решительного штурма Оби, а потому, как правило, люди выполняют сейчас по две и по три нормы. Недаром у входа на эстакаду висит большой щит с надписью: «Крупную золотую можно найти, а крупную потерянную времени — никогда!».

— Мы, монтажники, не подведем, свою задачу выполним, — говорит старший прораб участка гидромонтажа Федор Петрович Шляпин. А сам нет-нет да и взглянет на противоположный берег: заметно ли на глаз, насколько продвинулся каменный банкет...

Уже меньше двухсот метров осталось в проране, разделяющем берега в месте перекрестия русла. Уже последний парход, послав долгим гудком свой привет строителям, прошел через этот проран. Судостроение прекращено, и строители ГЭС стали безраздельными хозяевами реки.

С. СМОЛЯНИЦКИЙ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»
НОВОСИБИРСК
(По телефону)

Книги, выставки, вечера...

Уже около двух недель длится в Румынии традиционный праздник румынского народа — месячник румыно-советской дружбы. Торжества, связанные с месячником, проходят по всей стране. В празднике дружбы и братства народов принимают участие многочисленные гости из Советского Союза: делегация деятелей науки и культуры во главе с заместителем министра высшего образования В. Столетовым, большая группа советских журналистов.

Программа месячника румыно-советской дружбы богата и разнообразна. Одним из популярнейших мероприятий является традиционная Неделя советской книги. На открытии Недели советской книги в Бухаресте в Доме румыно-советской дружбы выступили писатели М. Габрица, Ч. Теодореску, В. Порумбаку, В. Тульбуре. В городе Питеште Неделя советской книги началась рассказом писателя А. Вайды о творчестве Горького и его романе «Мать». «Три поэты — Есенин, Блок, Григорьев» — так называлось выступление румынского поэта В. Буруяну на открытии недели в Сигхаво. Книжные полки магазинов пополняются новыми переводами с русского языка. Издательство «Карта руска» выпустило «Автобиографическую трилогию» М. Горького, роман «Емельян Пугачев» В. Шинкова, «Балтийское небо» Н. Чуковского, «Русский лес» Л. Леонова и книгу В. Озерова «Образ коммуниста в советской литературе». Румынский читатель ознакомит-

ся также с «Рассказами и повестями» В. Овечкина, книгой «Дорога в жизнь» Ф. Вилгоровой, «Тайной двух океанов» Г. Адамова. С советской музыкой знакомится румынский слушатель на концертах скрипача Д. Ойстраха, на вечерах, посвященном советскому композитору Дунаевскому.

Выставка «Румыно-русские связи на протяжении веков» открылась в Яссах. На ней представлены многочисленные исторические документы, в которых отражена дружба между нашими народами. В зале Центральной университетской библиотеки в Бухаресте читается цикл лекций, посвященный дружбе румынского и советского народов. Этот цикл открыл своим выступлением «Аспекты русско-румынских культурных связей на протяжении веков» академик П. Константеску-Яш, член генерального совета АРЛЮСа.

В связи с месячником по всей Румынии проходят научные конференции и лекции о достижениях советской передовой науки и техники. В Доме советско-румынской дружбы состоялась лекция «Вклад советских ученых в использование ядерной энергии в мирных целях». Сейчас в Бухаресте проходит конференция «Вклад советских ученых в медицинскую науку».

В румынских селах и коллективных хозяйствах проводятся вечера советской песни и пляски. Во многих сельских клубах демонстрируются новые советские кинокартины.

Памяти Лу Синя

Вчера в Большом зале Московской государственной консерватории состоялся торжественный вечер, посвященный памяти великого китайского писателя Лу Синя. Его организовали Союз писателей

СССР, Советский комитет защиты мира, Министерство культуры и ОККС. Вечер открыл В. Иванов. Ф. Федоренко характеризовал творческий путь писателя Лу Синя. Его пришло в Пекина в Москву. Обсуждение китайско-советской дружбы.

ЧИТАТЕЛЬ Е. Семенов пишет из Кургана, что его весьма заинтересовали появившиеся в печати сообщения о возможности полета ракеты вокруг Луны с затронутой незначительного количества горючего, и спрашивает, нельзя ли узнать некоторые подробности о расчетах такого межпланетного полета.

Наш корреспондент обратился в связи с этим к автору исследования, доктору физико-математических наук, профессору Г. Чеботареву с просьбой ответить на вопросы читателя. Ниже печатаем ответ ученого.

— Как по вашему расчету будет происходить полет на Луну?

— Осуществлению многих смелых предложений о межпланетных полетах мешает, как известно, не решенная до сих пор проблема горючего для летательного аппарата. Даже для того, чтобы отправить на Луну ракету без человека, считают, что потребовалось сотни, если не тысячи тонн горючего. Произведенные же мною расчеты говорят о том, что горючее понадобится лишь для начального периода запуска ракеты, на самой Земле, примерно в количестве 16 тонн. Выйдя же за пределы земной атмосферы, ракета будет совершать полет под действием сил всемирного тяготения — со стороны Земли и Луны.

Бумеранг, запущенный в мировое пространство

Еще один проект межпланетного путешествия

Путь полета ракеты — замкнутая орбита, близкая к сильно сплюснутому эллипсу. Весь путь от Земли до Луны и обратно ракета пролетит за 236 часов, то есть примерно в десять суток. За это время она преодолит около одного миллиона километров. Начальная скорость аппарата составит около одиннадцати километров в секунду. Как известно, ракета при такой скорости полета сможет преодолеть силу земного притяжения. При приближении к Луне скорость уменьшится до нуля.

— Как же ракета вернется обратно?

— Представьте, что вы бросаете ввысь камень. Первоначальная его скорость по мере подъема будет уменьшаться, достигнет нуля и опять начнет увеличиваться уже на обратном пути к Земле. Так и в случае с ракетой. В определенной точке ее пути вновь начнут действовать силы земного притяжения, и ракета полетит обратно с той же скоростью, какую мы ей придали в начале полета. Чтобы ракета не разбилась при соприкосновении с Землей, она должна иметь, конечно, специальное парашют-

ное приспособление, которое начнет действовать, как только она послана на Луну снова попадет в область земной атмосферы.

Налетя ракета, разумеется, не облетит запущенный вверх камень. Ее можно сравнить, пожалуй, с бумерангом, с огромной силой брошенным в мировое пространство. Если бумеранг целен в птицу, но не попал в цель, то он возвращается обратно к тому, кто его бросал. Если же бумеранг падает на землю вместе с нею. То же самое происходит и с нашей ракетой. Мы ее выбрасываем в межпланетное пространство, она летит вокруг Луны и снова возвращается к нам на Землю. Можно и так считать полет ракеты, что она долетит до Луны, ударится о ее поверхность и останется там.

— Что даст науке полет вокруг Луны?

— Ракета (вес которой составит 50—100 килограммов) будет оснащена различными автоматическими приборами. Ее полет позволит изучить особенности межпланетного пространства, уточнить наши представления о движении метеоритов, действие космических лучей, зафиксировать метеорологические данные и т. д. Ничто не помешает нам отправиться в это межпланетное путешествие хоть бы мышь или морскую свинку. Ракета может облететь Луну, приблизившись к ней на расстояние, равное 30 тысячам километров. Луна, как известно, всегда обращена к Земле одной своей стороной. Первые лам увидят посмотри и другую ее сторону; находящаяся на ракете фотоаппаратура даст нам множество снимков. Так как Луна не имеет атмосферы, то снимки будут сделаны без тех помех, которые характерны для земной атмосферы. Огромный интерес представляют и снимки Земли, сделанные с больших расстояний.

— Можно ли таким же образом послать ракету на Марс?

— Пока я сделал расчет полета на Луну. Этот расчет, как известно, был рассмотрен и одобрен Ученым советом Института теоретической астрономии и в ближайшее время будет опубликован. Полет ракеты на Марс — проблема более сложная. В на-

ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

В первом расчете нам надо было учесть взаимное действие в основном Земли, Луны и ракеты. При полете же на Марс появятся влияния Солнца, возможно, Венеры и Меркурия. А надо сказать, что каждое новое тело markedly усложняет астрономические расчеты. Но в принципе — это проблема разрешима, и мы сейчас с группой ученых ведем расчеты для определения орбиты полета ракеты вокруг Марса с возвращением ее обратно на Землю, также без затрат горючего в пути.

— Как скоро, по вашему мнению, можно будет послать ракету на Луну?

— Наш институт занимается в основном теоретическими вопросами, ведет работы в области небесной механики, изучает движение тел солнечной системы. Мы сделали расчет траектории полета. Сооружение же ракеты, организация ее полета — дело чисто инженерное. Во всяком случае, уровень развития современной техники и делает вполне реальным и осуществление и полет такой ракеты. В настоящее время все наше внимание, в связи с предстоящим Международным геофизическим годом, естественно, сосредоточено на сооружении и запуске искусственного спутника Земли. А потом, видимо, встанет на очередь и полет ракеты вокруг Луны. Этот полет, по-моему, — дело ближайших лет.

„А КТО У ВАС ДЕПУТАТ?“

ЭТО НАЗВАНИЕ появилось на нашем экране впервые. В конце 20-х годов режиссер Я. Протазанов поставил по рассказу Бориса Лавреньева картину «Сорок первый» — скромную, немую, как все фильмы того времени, но говорившую о многом. В ней не было ни прославленных битв, ни сокрушительных штурмов, ни движущихся тысяч масс — и все равно воздухом революции дышали екупские кадры. Большой конфликт эпохи отразился в судьбе героини фильма — красноармейца Марютки, которая полуживая вражеского офицера, но сумела похитовать своим чувством во имя высокого революционного долга.

«СОРОК ПЕРВЫЙ»

Сняв шапки, стоят люди у распластанного на песке тела, и вот на его месте вырос песчаный могильный холм, а сверху легла винтовка. Не выдержав пути другой — снова аккуратный холм с винтовкой, погиб третий — почти то же самое. Дело не только в том, что раз найденный прием при повторении теряет выразительную силу. У Б. Лавреньева погибших «наскоро присыпали песком и шли дальше». Конечно, не обязательно точно следовать за литературным подлинником, но в данном случае именно в этом суровая правда рассказа. А в фильме, в эпизоде с часовым, тема революционной солидарности, гуманности трактуется сентиментально, да еще подчеркивается это наивным «оправданием» проступка часового: показан его сон с возникающими наильными подсказками и идеалистскими белыми хатками...

Годами утверждали, что подобное «замерное» решение революционной темы лежит в стороне от магистрального пути. Нами же создаваемые догмы мешали заметить, как непростительно судимым считать путь, когда начинаем всеерьезно социальными темами живые страсти, внутренние психологические конфликты, мир человеческой души, без которых нет ни искусства, ни самой жизни, которые не исчезают, а обостряются, становятся особенно насыщенными в эпохи великих общественных сдвигов.

И вот спустя почти тридцать лет «Сорок первый» вновь появился на экране. Молодой режиссер Григорий Чухрай в содружестве со сценаристом Г. Колтуновым заново прочел рассказ Б. Лавреньева, воссоздал его средствами современного киноискусства, обогащенного словом, музыкой, цветом, светом, теплом, коим повеяло в его картинах, и подумалось, что счастливо возрождаются к жизни некоторые забытые традиции историко-революционного фильма.

Но сразу же бросилось в глаза и то, в чем картина идет за ним несподружительно, в чем чувствуются не изжитые еще беды нашего кино. Время, «которое навсегда ушло от нас и навсегда осталось с нами», — слышится за кадром. Как живое, дорогое воспоминание, возникает в фильме революционная эпоха. Здесь нет колокольчиков, контрастных красок быта гражданской войны в его непосредственной и подчас грубой реальности. Это — лирическое повествование, где взволнованный авторский голос звучит нагромко, без резких интонаций, словно выверенный временем. И в лучших эпизодах фильма это не только не нарушает, но дает по-новому почувствовать правду гражданской войны.

Прозвонительный зимний ветер над Кара-Кумями, ребристые, сыпучие пески, веревки усталых людей. Не та этакимая по цветным фильмам золотисто-желтая пустыня с анемариновым небом и оранжевым закатом, не та ясная красная пустыня, на фоне которой даже мундир царских сыщиков в «Тарсе» Шевченко выглядел весело и нарядно. В сдержанную монохромную гамму сливаются тусклые тона бело-коричневых синеватых песков, серых потрескавшихся лицевых бескровных, невозможных лиц. Как часто цвет на экране уводит от действительности, хотя по своему обязательности приближает к реальности. В фильме «Сорок первый» великолепно сыгран С. Урушевским, цвет действительно становится тонким средством выразительности, помогает передать атмосферу происходящего. И когда в порывах ветра, сбиваясь с ног, бредет по мерзлому песку разбитый отряд и глубокие следы остаются после тяжелых шагов, — в эти моменты мы глубоко верим фильму, восхищаемся стойкостью, мужеством маленького героического отряда.

Но порой в строгом лирическом рассказе о борьбе и страданиях начинают звучать «чувствительные», невнятные ноты. Ночью на посту заснул часовый, и в это время был убит красноармеец-киргиз. Прозвонительный зимний ветер над Кара-Кумями, ребристые, сыпучие пески, веревки усталых людей. Не та этакимая по цветным фильмам золотисто-желтая пустыня с анемариновым небом и оранжевым закатом, не та ясная красная пустыня, на фоне которой даже мундир царских сыщиков в «Тарсе» Шевченко выглядел весело и нарядно. В сдержанную монохромную гамму сливаются тусклые тона бело-коричневых синеватых песков, серых потрескавшихся лицевых бескровных, невозможных лиц. Как часто цвет на экране уводит от действительности, хотя по своему обязательности приближает к реальности. В фильме «Сорок первый» великолепно сыгран С. Урушевским, цвет действительно становится тонким средством выразительности, помогает передать атмосферу происходящего. И когда в порывах ветра, сбиваясь с ног, бредет по мерзлому песку разбитый отряд и глубокие следы остаются после тяжелых шагов, — в эти моменты мы глубоко верим фильму, восхищаемся стойкостью, мужеством маленького героического отряда.

Но порой в строгом лирическом рассказе о борьбе и страданиях начинают звучать «чувствительные», невнятные ноты. Ночью на посту заснул часовый, и в это время был убит красноармеец-киргиз. Прозвонительный зимний ветер над Кара-Кумями, ребристые, сыпучие пески, веревки усталых людей. Не та этакимая по цветным фильмам золотисто-желтая пустыня с анемариновым небом и оранжевым закатом, не та ясная красная пустыня, на фоне которой даже мундир царских сыщиков в «Тарсе» Шевченко выглядел весело и нарядно. В сдержанную монохромную гамму сливаются тусклые тона бело-коричневых синеватых песков, серых потрескавшихся лицевых бескровных, невозможных лиц. Как часто цвет на экране уводит от действительности, хотя по своему обязательности приближает к реальности. В фильме «Сорок первый» великолепно сыгран С. Урушевским, цвет действительно становится тонким средством выразительности, помогает передать атмосферу происходящего. И когда в порывах ветра, сбиваясь с ног, бредет по мерзлому песку разбитый отряд и глубокие следы остаются после тяжелых шагов, — в эти моменты мы глубоко верим фильму, восхищаемся стойкостью, мужеством маленького героического отряда.

Иногда наши общественные организации раздумывают, кого выдвинуть кандидатом в депутаты, пусть не будет для них единственным критерием процент выполнения плана. Пусть это будет человек, уже известный народу как общественник, организатор, смелый его защитник от всех «любителей» нарушать его демократические права. И тогда на вопрос: «А кто у вас депутат?» — будут отвечать не неловким молчанием, а называть знакомое имя человека, который и тебе, рядовому гражданину, помог почувствовать себя хозяином государства.

А. ЛЕВИНА

КОГДА деловой разговор с главным энергетиком торфопредприятия подходил к концу, он заметил: «Работники у нас есть замечательные. Вот, например, обмотчица Тоня Васильева — двадцатипятилетняя парняжка — и словно вспомнил еще какое-то достоинство Тони, добивил: — Кстати, она депутат».

В целую меня понакопились с худощавой молодой женщиной. Перед ней стоял корпус мотора и лежали мотки тонкого провода. О моторе она говорила ласково, словно о живом человеке. А движенье ее рук, наматывавших провод, — ритмичные, ловкие, чуткие, были красочнее слов. Я спросил Васильеву о депутатских делах, и на меня удивленно глянули большие глаза.

— А какие дела? Никаких дел нет — жалоб не поступало. — Так куда же вам жалобу принесут, ведь у вас часов приема нет? — А разве обязательно? Вот я на сессию ездила, у девушек на других районах спрашивала, так и у них нет. На сессии, когда вызывают, езжу. Данные для комиссии попросили, — я привезла. — Ну, а за все это время хоть раз вы отчитывались перед избирателями? Выступали?

— Нет, — выдохнула Тоня. — Застенчивая она у нас, — сказал главный энергетик. — На люди не выходит. А работница замечательная. Низко наклонилась повоянная косыночной головой, и тонкие пальцы забегали еще быстрее. — Это точно, — подтверждает парторг. — Мы как смотрели? Наше предприятие женское, надо выдвигать работницу. А лучше ее никто не трудится. Передовой, и поручения всегда выполняет. Выбрали.

— А после выборов интересовались вы ее депутатской работой? — Нет, знаете, как-то упустили из виду. В поселке торфяники было множество неурядиц. Люди не хотели больше мириться с ними и написали жалобу в областную центр и Москву. На вопрос: «Почему же вы не обращаетесь к депутату областного Совета?», — услышала странный ответ: «А кто у нас депутат? Я уныл и забыл — выборы-то давно были».

Да, депутата мало кто знал. Это заставило задуматься. И я вспомнила о человеке, которого знали все, — о «тете Поле».

ОСЕНЬЮ прошлого года в управлении Ярославского автозавода я невольно подслушала разговор. Говорили двое — девушка в синем халатике и старая женщина, сидевшая за умолченной пишущей машинкой. Из-под стола торчали ноги в мужских ботинках и не раз стиранных нитяных чулках. Над машинкой поднималась голова с резкими чертами лица и серым пучком волос.

— С этого и начни, — говорила женщина глухим, немного грубоватым голосом. — С деду. Вот у вас куртка запыленная, стыдно смотреть, а туда сцепчики и машинистки геться ходят. Сделайте из нее красивый уголок — вот тебе для первого собрания. Комсомол любит вежливость, — чтобы дело руками шло. — А вы придете, тетя Поля? Все-таки первое собрание, а какой из меня комсорг!

Раздался гулок — кончался обед, и девушка убежала. Я догнала ее уже на дворе. Мой вопрос, почему она ходит советоваться о комсомольском собрании не в комитет комсомола, а к машинистке тете Поле, удивил ее до крайности. — Тетя Поля? Вы просто не знаете тетя Полю? Конечно, в комитете дадут политическое направление, а тетя Поля, — а тетя Поля — она душевное направление дает.

Прошло несколько дней, и мне стало понятно, почему удивилась девушка моей несведомости. Все — от мастера, закладывавшего фундамент завода, до ремесленника, вчера прошедшего на практику, знали тетя Полю, хотя она и не была депутатом. К ней приходили советоваться, выходить из замуж за Ваню из сборочного и отдавать ли сына Витку в военное училище, к ней приходили рационализаторы — «зажимают предложение» — и матери

ри — «нет места в асилах». Секретарь комитета комсомола прибегал советовать, кого послать в лагерь вожаками, а парторг спрашивал, что за семья у слесаря, учившего вчера скандал в столовой.

Когда она стала тетей Полей? Двадцать пять лет назад она была же неорганизованным заводом. В нескольких километрах от него находилась колония малолетних. Ребята совсем одичали, обросли, жили впроголодь и совершали набеги на поселок. Их боялись, к ним не ходили. Поля Смурова поехала в колонию. Она начала с того, что объявила воскресенья всех городских парикмахеров. Вместе со своими инструментами, следящие, как их простины, они были погружены в машину и увезены в колонию. Когда ребята вымыли и пересели в комнаты, которые спали активисты женотдела, выяснилось, что это обычные ребята. Художники и конструкторы, что под ее руководством были когда-то подстрижены под нуль, до сих пор пишут письма тете Поле.

В 1944 году в заводском общежитии поселили измученных блокадой ленинградских ребят. Каждый вечер Поля забегала туда — учила их шопотом и варить кашу, приносила с трудом добытые ордера на валенки и свою непочатую за день порцию хлеба, а главное — ласку, тепло. Многие маленькие ленинградцы переехали к ней домой. Она воспитала стране одиннадцать детей. Ребята выросли, работают на заводе. Правда, они зовут ее не мама, а «Поля», но все они полны настоящей сыновней любви к ней, и в каждом цехе у нее родня.

Однажды она шла по улице. На тротуаре сидела плачущая женщина с двумя девочками и просила милостыню. Согни локти прошли за день по улице мимо женщины. Одни бросали монету, другие нет, но никто не подошел, не узнал, кто она, почему здесь. Подошла тетя Поля. Оказалось, что муж этой женщины — стрелочник, погиб несколько недель назад при крушении, начальство никак не дает ей подходить к работе, а детей кормить надо. Тетя Поля помогла женщине устроиться на завод, добилась, чтоб семье дали комнату.

Перелистывая толстую папку, где были подшиты документы, связанные со строительством детского сада, я вдруг наткнулась на потрескавшийся документ — это была копия торфопило отступничества на парткомовской машинке письма к профсоюзным работникам железной дороги: как было бы приятно детям их погибшего товарища, если бы они получили подарки от железнодорожников. Конечно, говорилось в письме, не в игрушки, а в инструменты, и если железные инструменты сами не могут, пусть возьмут заводские подарки, но только пусть будет янтарь от них, а то жена погибшего все плачет — «забыли». В конце стояла приписка: «Прошу, чтобы никто не узнал о письме».

Пожье я увидела эту женщину. Она была теперь одной из лучших активисток, верной помощницей тетя Поля. Да и не только она. Вокруг тетя Поля постоянно был народ, она прямо так обростала людьми, и они рядом с ней становились смелее и деятельнее. Она умела в каждом пробудить не известную ему самому общественную жилку. Может быть, тетя Поля — исключение, может быть, такие люди редки? Нет, в каждом районе, в каждом поселке есть обычно своя тетя Поля — известный народу и любимый им общественник. На том же торфопредприятии, где работает депутат Васильева, со всеми горестями и радостями люди идут к сотрудничеству профсоюзного комитета Карловой. Как бы оправдываясь, она говорит о себе: — Конечно, дело мое любительское. Но не могу я без общественности. Стрость моя — общественность...

ОБЩЕСТВЕННЫМИ деятелями не рождаются — ими становятся. Полтора года назад Тоня Васильева была просто передовой работницей. Ее выбрали депутатом. Что изменилось? Сделал ли кто-нибудь что-нибудь, чтобы воспитать из Тони Васильевой общественного деятеля? Нет! Никто не объяснял ей, в чем ее права и обязанности, никто не позаботился о том, чтобы у молодого депутата были часы приема, чтобы, помогая людям в их житейских делах, борясь за них, Васильева сама

ПРОШЛИ выборы. И не раз за это время я слышала парадоксальное определение — «застенчивый депутат».

Работники Московского Совета рассказывают, что депутата Моссовета, Героя Социалистического Труда Дянову каждый раз приводят на сессию на одну и ту же комнату — это не едет. Дянова выращивает самые высокие в области урожаи картофеля. Но на сессиях молчит, ее отчет перед избирателями трижды срывается: не приходят депутаты, стесняется. А в том же селе есть люди, которые любят, умеют заниматься общественными делами.

В. И. Ленин мечтал о том времени, когда каждый трудящийся будет участвовать в управлении государством. Будет участвовать и Тоня Васильева. Расширение демократии в том и состоит, чтобы Советы привлекали к участию в управлении страной сотни тысяч людей — будь то рабочий контроль над магазинами или уличный комитет, что занят озеленением. В этих комиссиях охотно работают десятки таких, как Тоня, когда им дают конкретные поручения.

Депутат — дело другое, он должен быть в первую очередь организатором. Ведь главное в работе таких людей, как тетя Поля, — это даже не то, что делают они лично, как бы это ни было значительное, главное, что они, как говорится, «обрастают» людьми. Так кристалл, брошенный в пересыщенный раствор, сразу обрастает десятками, сотнями других кристаллов, которые не возникли бы без него и вместе с которыми он составляет большую прозрачную среду.

Нужно ли человеку свой талант — говорит народная пословица. Одинаково своей душой вкладываются в то, чтобы мотки провода в моторе были уложены точно, другой загораются, когда выходит на картофельное поле и видит солнечные ростки, а для третьего, хотя он честно работает за станком или на поле, главная страсть — «общественность»: общественная работа, общение с людьми, помощь им в их делах, борьба за них.

Но, может быть, такие люди, обладающие организаторскими талантами, редки? Нет, писал В. И. Ленин, «организаторская работа подлинна и рядовому рабочему и крестьянину, обладающему грамотностью, знанием людей, практическим опытом. Таких людей... масса. Таких талантов в рабочем классе и в крестьянской несподой еще родник и богатейший родник». Только надо уметь их искать, находить, выращивать. Надо сделать так, чтобы их работа была не «любительской», а государственной работой деятелей государства рабочих и крестьян.

Иногда наши общественные организации раздумывают, кого выдвинуть кандидатом в депутаты, пусть не будет для них единственным критерием процент выполнения плана. Пусть это будет человек, уже известный народу как общественник, организатор, смелый его защитник от всех «любителей» нарушать его демократические права. И тогда на вопрос: «А кто у вас депутат?» — будут отвечать не неловким молчанием, а называть знакомое имя человека, который и тебе, рядовому гражданину, помог почувствовать себя хозяином государства.

А. ЛЕВИНА

Сняв шапки, стоят люди у распластанного на песке тела, и вот на его месте вырос песчаный могильный холм, а сверху легла винтовка. Не выдержав пути другой — снова аккуратный холм с винтовкой, погиб третий — почти то же самое. Дело не только в том, что раз найденный прием при повторении теряет выразительную силу. У Б. Лавреньева погибших «наскоро присыпали песком и шли дальше». Конечно, не обязательно точно следовать за литературным подлинником, но в данном случае именно в этом суровая правда рассказа. А в фильме, в эпизоде с часовым, тема революционной солидарности, гуманности трактуется сентиментально, да еще подчеркивается это наивным «оправданием» проступка часового: показан его сон с возникающими наильными подсказками и идеалистскими белыми хатками...

Годами утверждали, что подобное «замерное» решение революционной темы лежит в стороне от магистрального пути. Нами же создаваемые догмы мешали заметить, как непростительно судимым считать путь, когда начинаем всеерьезно социальными темами живые страсти, внутренние психологические конфликты, мир человеческой души, без которых нет ни искусства, ни самой жизни, которые не исчезают, а обостряются, становятся особенно насыщенными в эпохи великих общественных сдвигов.

И вот спустя почти тридцать лет «Сорок первый» вновь появился на экране. Молодой режиссер Григорий Чухрай в содружестве со сценаристом Г. Колтуновым заново прочел рассказ Б. Лавреньева, воссоздал его средствами современного киноискусства, обогащенного словом, музыкой, цветом, светом, теплом, коим повеяло в его картинах, и подумалось, что счастливо возрождаются к жизни некоторые забытые традиции историко-революционного фильма.

Но сразу же бросилось в глаза и то, в чем картина идет за ним несподружительно, в чем чувствуются не изжитые еще беды нашего кино. Время, «которое навсегда ушло от нас и навсегда осталось с нами», — слышится за кадром. Как живое, дорогое воспоминание, возникает в фильме революционная эпоха. Здесь нет колокольчиков, контрастных красок быта гражданской войны в его непосредственной и подчас грубой реальности. Это — лирическое повествование, где взволнованный авторский голос звучит нагромко, без резких интонаций, словно выверенный временем. И в лучших эпизодах фильма это не только не нарушает, но дает по-новому почувствовать правду гражданской войны.

Прозвонительный зимний ветер над Кара-Кумями, ребристые, сыпучие пески, веревки усталых людей. Не та этакимая по цветным фильмам золотисто-желтая пустыня с анемариновым небом и оранжевым закатом, не та ясная красная пустыня, на фоне которой даже мундир царских сыщиков в «Тарсе» Шевченко выглядел весело и нарядно. В сдержанную монохромную гамму сливаются тусклые тона бело-коричневых синеватых песков, серых потрескавшихся лицевых бескровных, невозможных лиц. Как часто цвет на экране уводит от действительности, хотя по своему обязательности приближает к реальности. В фильме «Сорок первый» великолепно сыгран С. Урушевским, цвет действительно становится тонким средством выразительности, помогает передать атмосферу происходящего. И когда в порывах ветра, сбиваясь с ног, бредет по мерзлому песку разбитый отряд и глубокие следы остаются после тяжелых шагов, — в эти моменты мы глубоко верим фильму, восхищаемся стойкостью, мужеством маленького героического отряда.

Но порой в строгом лирическом рассказе о борьбе и страданиях начинают звучать «чувствительные», невнятные ноты. Ночью на посту заснул часовый, и в это время был убит красноармеец-киргиз. Прозвонительный зимний ветер над Кара-Кумями, ребристые, сыпучие пески, веревки усталых людей. Не та этакимая по цветным фильмам золотисто-желтая пустыня с анемариновым небом и оранжевым закатом, не та ясная красная пустыня, на фоне которой даже мундир царских сыщиков в «Тарсе» Шевченко выглядел весело и нарядно. В сдержанную монохромную гамму сливаются тусклые тона бело-коричневых синеватых песков, серых потрескавшихся лицевых бескровных, невозможных лиц. Как часто цвет на экране уводит от действительности, хотя по своему обязательности приближает к реальности. В фильме «Сорок первый» великолепно сыгран С. Урушевским, цвет действительно становится тонким средством выразительности, помогает передать атмосферу происходящего. И когда в порывах ветра, сбиваясь с ног, бредет по мерзлому песку разбитый отряд и глубокие следы остаются после тяжелых шагов, — в эти моменты мы глубоко верим фильму, восхищаемся стойкостью, мужеством маленького героического отряда.

Иногда наши общественные организации раздумывают, кого выдвинуть кандидатом в депутаты, пусть не будет для них единственным критерием процент выполнения плана. Пусть это будет человек, уже известный народу как общественник, организатор, смелый его защитник от всех «любителей» нарушать его демократические права. И тогда на вопрос: «А кто у вас депутат?» — будут отвечать не неловким молчанием, а называть знакомое имя человека, который и тебе, рядовому гражданину, помог почувствовать себя хозяином государства.

А. ЛЕВИНА

Не каждый из гвардейского полка — солдат под стать былинному герою. Патрон, прошедший через ОПК, в бою осечку может дать порозу. Бывает, ювелир, алмаз граня, найдет изъян в каком-нибудь кристалле, Бывает, что в бою сдает броня из качественной выверенной стали.

С М Е Л О Е И М Я

Мы ошибамся — не бежим в кусты. Мы взяли смело коммунистический шаг, не потому, что были я и ты с рождением идеальными и чистыми, а потому, что стать хотим такими. Не выйти нам из жаркого огня. Но путь свой не волны мы без ошибок проити, без сыров, без больных ушибов —

мы люди — не алмазы, не броня. Не в сотни раз преступней и страшней уградой, втихомолку, ночью черной замазает глиной трещину в броне. Ведь нам вздыматься на крутой волне, жить надо так, чтоб не сгореть в огне, а глина водам и огням покорна.

Н. ЗОРКАЯ

ВЕРДЕН

Заскрипели, запылились тормоза. Ночной поезд, убавляя скорость, подходил к паростанку. Пыхтевший, как в одичавшем, паровоз бросил вальд тусклым свет своих туманных фонарей, шумно вздохнул и остановился.

Из пассажирского вагона вышел одинокий человек и долго озирался. Казалось, он хотел убедиться, действительно ли попал к месту назначения.

Нет, он, видно, не ошибся. Знакомый перрон слева, рядом с убогающими вдалеке рельсами глубокий овраг, а справа небольшой напидасник, огороженный заборами. В последнее время часто вспоминал он этот забор, видел его даже во сне. Забор представлялся ему окрашенным в нежно-зеленый цвет с белыми, будто кунольные головки, тумбочками. Однако теперь все было не так. Под мертвым светом луны забор казался грязным и серым. Подал виднелся знакомый красный домик. В его окне мерцал бледный луч. Человек подошел к строению, вынул карманный фонарик и осветил надпись на доске.

— Вылкаяй! Наконец-то! — облегченно вздохнул он, опустив на обледеневший багаж набрав полные легкие воздуха, он вынул руки, будто потягиваясь после неудобного сна. Вслед за тем вновь тревожно оглянулся, словно искал кого-то, а потом в раздумье направился к калитке.

Поезд тем временем двинулся дальше, Паровоз изверг из своего нутра несколько густых клубов дыма, насыщенного раскаленным пламенем, на мгновенные умоля, а потом натруженно захыхтел во всю свою богабрюшную грудь. Пламя исцезло так же внезапно, как и появилось, только иногда, будто невзначай, вспыхивали над трубой веселые искорки. Извиваясь исполнительной змеей, поезд, осторожно нащупывая дорогу, скрылся за поворотом в направлении Клайпеды.

Человек дошел до заборчика, осмотрелся, а потом всрнулся к своей поклаже. Он переросил ее через плечо и медленно, как призрака, удалился с перрона. У калитки он встретил дежурного по станции. Тот осветил закопченным фонарем лицо незнакомца. Луч света на мгновение

ЕВА СИМОНАЙТИТЕ

Литовская писательница Ева Симонайтите известна русскому читателю по книге «Буше и ее сестры». Роман «Вилос Каралюс», отрывок из которого мы сегодня публикуем, был начат ею еще в годы господства буржуазии в Литве; в последние годы писательница переработала и закончила свое произведение. В романе повествуется о распадае семьи кулака из Клайпедского края под влиянием первой мировой войны и Октябрьской революции в России. Вилос идет по пути все большего обогащения, протискиваясь духом пруссака; другая часть семьи во главе с братом Вилоса Мартинасом принимает участие в революционном движении.

вене выхватил из мрана усталые глаза бледного, еще совсем молодого солдата. Тонкие нити предревременных морщин лежали на лице юноши, которое, может быть, год или два тому назад было довольно красивым. На голове виднелась помятая бесхозырка со светлым рантом, указывающим на то, что солдат был артиллеристом. Шинель, протертая до лохмотья, свисала до земли. Порыв ветра поднял пыль, под которыми оказались латаные штаны и старые, дырявые сапоги.

— Добрый вечер! — сказал солдат. Дежурный пробротмал что-то по-немецки и, еще раз осветив лицо приехавшего, воскликнул полурасудотно, полудушливо: — Мартин, это ты?

— Да, я, — ответил солдат и, не останавливаясь, направился к шоссе, изредка понахваливая в кулак, словно желая уменьшить, что он избегает лишнего распрасов.

Выйдя на дорогу, он остановился, обернулся, увидел еще раз мелькнувший вдали свет фонаря, а потом полустонно погрузился в густую тьму. И тогда солдат обратил лицо к востоку. Он напряженно вглядывался в темноту, будто хотел прозреть ее взглядом и увидеть что-то, находящееся по ту сторону окружающего его мрака.

Однако он ничего не увидел и не услышал. Усталое переступая с ноги на ногу, солдат медленно пошел по шоссе.

поросями, выросшими до гигантских размеров. Где-то неподалеку от шоссе падают кони. Их не видно, изредка лишь раздаются фырящие да глухие удары копыта о землю. Иногда он так близко подходит к ним, что слышит однообразное похрустывание. Вот какая тишь!

Мартинасу показало, что именно это и есть земля мертвых, о которой говорил некогда дед Шалтейский. Если бы он даже крикнул, позвал на помощь, ему все равно никто не ответил бы. Неужели не осталось больше людей в родном крае? Да их и не может быть, ведь тысячи тысяч уже погибли и теперь погибают на фронте. О, какой вздор, какая бессмыслица! Где-то там далеко гремит на весь мир огромная битва. А ведь не кто иной, как он, еще в поезде дал себе слово не вспоминать о фронте за все время отъезда. Но разве можно забыть? Нет, нельзя, об этом никогда не забудешь...

Мартинас подумал, что с того дня, как он покинул Шалтейский, он не имел ни минуты отдыха. Три года прошли в бесконечных походах и схватках. Ему мерещилось, что и теперь он совершает над собой марш или перебежку. Думая об этом, он не заметил, как ускорила шаг, почти бежал. Опомившись, Мартинас взял себя в руки, замедлил шаг.

Нет, ему теперь трудно даже представить настоящий отдых, мирный уют отчего дома. Все время бегать и прятаться, как заяц, — это так же страшно, как постоянно видеть будущее пламя, слышать сотрясающую землю взрывы и видеть как бессмысленно погибают друзья. О, друзья, друзья! Вы умираете страшной смертью. Вражеский снаряд стирает вас с лица земли, не оставляет от вас ни следа... Эх, что за парня, а ведь и с этим смирились. Собака, она же часто вешать, говорили они, то она к этому привыкает...

Ругаясь, отравительно свернослова, фронтовики каждую смерть, каждую потерю считали делом обычным. Но Мартинасу всегда было страшно, и привыкнуть к этому он никак не мог. Ругаясь по-литовски он не умел, а искусством немецкой ругани не овладел. Как видно, он отому никогда и не на-

учился... Впрочем, кто знает... Если война продлится еще три года... Эх, да разве в ругани дело, разве ругань чему-нибудь поможет? Нет, она не помогала. Он знает даже больше. Есть такие, которые дрожат и молятся. Но и это ни к чему. Судьба иногда играет с людьми злую шутку. Ругается человек, свернослова, — его пуля не берет, а святошу свалит в первом бою...

Мартинас понимал, что в таком крошечном аду, как Верден, не помогали ни бог, ни черт. Но с богом было более убого. Он всегда добр и милостив там, где нет опасности. Он милосерден тогда, когда у него ничего не просят. Ну, а черт теши тех, кто в беде и в горе. В минуту опасности, по крайней мере, можешь на чем свет стоит изругать тех, кто вверг тебя в бойню...

Давно уже убедился Мартинас, что ему никакого дела нет как до бога, так и до черта. Бог ему не помогает, черт не успокаивает...

Мартинас очнулся от воспоминаний. Он увидел, что сидит на груди камней у бойных шоссе. Как он тут очутился? Ведь он был на фронте у Вердена. Впрочем, все это не так... Он возвращается домой в отпуск.

Подумать только: он возвращается! Какое странное слово: «возвращается». Да неужели есть в мире такое место, куда можно вернуться после всего пережитого? О, как приятно, как сладко отдохнуть он после долгих и утомительных переживаний! И что это за особое счастье выпало ему — из многих тысяч таких, как он, именно Мартинас едет в отпуск? Ведь тем, которые еще живы и здоровы, не дают увольнений домой, потому что на Западе день и ночь продолжается страшная битва... И за что, спрашивается, они дерутся? Увы, ни за что. Одно только ясно: идет ожесточенная борьба — люди режут, убивают друг друга. Нет, ему не сидеть бы этой ночью здесь, на груди камней, если бы... если бы не этот страшный шум в голове и нарастающий эвон... Он так и остался бы на фронте, если бы не завал в окопе. Мартинус и невдомек было, как это случилось. Он помнил только, что канальцо неумолимо сила прижала его к земле, а в глазах вспыхнули и заиграли огненные круги, и он задохнулся. Это длилось мгновение, может быть, даже десятую долю секунды, а теперь казалось, как-то кошмаром. Может, ничего и не было? Хорошо было бы после этого совсем не пробуждаться. Но он проснулся, и первым, кого он увидел, был врач, наклонивший над ним, пылливо глядя на него.

И что самое страшное, Мартинас увидел, что тот о чем-то говорит, но самого голоса не слышал. А за окном полевого госпиталя стоял огулительный грохот. Нет, это не был грохот орудий или пулеметная дробь... Это было ни с чем не сравнимое дьявольское наваждение. Мартинас не мог понять, почему его не замечают остальные люди. Как истинно слышит он, что все рушится, решительно все, построенное руками человека, созданное природой... Вот оно, встало! Неужели и теперь они не слышат, как падают выращенные с корнем столетние деревья, как рвется шпатель?.. Удивительно! В комнате все так беззаботно учатся Кое-кто из врачей мирно беседует с медсестрами, а те все как на подбор — такие красивые, нарядные, белые. Они подходят к нему, участливо заговаривают. Но он не понимает их. Да и как понять? Он не научился ведь еще языку глухонемых. На фронте много не поговорил... Все и так заранее знают свою судьбу. «А что, если это только сон, — мелькнуло у него. — Что, если поборобать?»

И Мартинас крикнул. Теперь он уже не помнит, что именно он кричал. Мартинас на короткое мгновение забыл обо всем на свете, его охватил невыразимый ужас, животный страх затмил все, даже недавние переживания на фронте.

дел, как шевелятся губы врача, чувствовал, что тот о чем-то говорит, но самого голоса не слышал. А за окном полевого госпиталя стоял огулительный грохот. Нет, это не был грохот орудий или пулеметная дробь... Это было ни с чем не сравнимое дьявольское наваждение. Мартинас не мог понять, почему его не замечают остальные люди. Как истинно слышит он, что все рушится, решительно все, построенное руками человека, созданное природой... Вот оно, встало! Неужели и теперь они не слышат, как падают выращенные с корнем столетние деревья, как рвется шпатель?.. Удивительно! В комнате все так беззаботно учатся Кое-кто из врачей мирно беседует с медсестрами, а те все как на подбор — такие красивые, нарядные, белые. Они подходят к нему, участливо заговаривают. Но он не понимает их. Да и как понять? Он не научился ведь еще языку глухонемых. На фронте много не поговорил... Все и так заранее знают свою судьбу. «А что, если это только сон, — мелькнуло у него. — Что, если поборобать?»

И Мартинас крикнул. Теперь он уже не помнит, что именно он кричал. Мартинас на короткое мгновение забыл обо всем на свете, его охватил невыразимый ужас, животный страх затмил все, даже недавние переживания на фронте.

Он кричал и не слышал своего голоса, будто это происходило во сне или в безвоздушном пространстве. Но странное дело: врач и сестры услышали и бросились к нему на помощь. Сбежалось даже несколько любопытных больных. А он, он теперь только понял, что это шум, этот невероятный грохот не на улице, не во дворе, а в его большой голове, в его ушах. И, осознав это, в то же мгновение почувствовал острую боль в темени...

И вот сегодня Мартинас бредет домой, в отпуск. Но кого, кого найдет он дома? Плачущую мать, этого надущегося, как клещ, Вилоса, опечаленную невестку? Каждый будет говорить свое, каждый будет жаловаться на личное горе и хвалиться своими успехами. Одна Грете будет молчать и ничего не скажет... Как хорошо сидеть здесь! Ему

ЗАКОНЫ ЖАНРА

Песни, любимые народом, покорают своей силой. Они помогают человеку приобщаться к мыслям и чувствам миллионов людей, жить с ними одним стремлением. Однако песня не могла бы так сильно трогать каждого человека, если бы он не находился в ней выражения и своих личных чувств.

В чем природа этого явления? Что составляет специфику песенного жанра? Почему одна песня живет десятилетиями, а другая не живет и месяца? Ответа на эти вопросы давно ищут поэты-песенники, композиторы и критики. Этого ответа искал и автор книги о советской массовой песне.

У советской массовой песни есть свои жанровые границы, свои способы изображения жизни. С этими особенностями обязан песенный жанр требует от поэта и автора индивидуальной творческой манеры. Творческие искания и требования «законов» жанра, своеобразия поэта и массовости песни — казалось бы, какие взаимоотношения начались! Как часто за одним закрепляется почетное определение «новаторство», а за другим — название неподвижного «традиционализма». Между тем самое противопоставление индивидуального творческого искания и законов жанра ложно. Творческая практика лучших советских поэтов-песенников не примирает эти начала, а сочетает их.

В песне в высшей степени важна широта лирического чувства, его всеобщность, адресованность ко многим людям. Отчетливее всего это выражается в «дирижерском» песне. Кто он, этот герой? Сам поэт? Но ведь, когда М. Исаковский пишет: Пускай утопал я в болотах, Пускай замерзла я на льду, Но если ты скажешь мне снова, Я снова все это пройду...

мы знаем, что тот, о ком говорится, — не сам поэт, а кто-то другой. Но почему же поэт сказал о нем, как о себе? Он говорит от имени на д. Привнесение субъективизма, чуждого массам, ломает крылья, на которых песня летит к народу. Массовое начало, названное автором книги «эпическим», вошло в самую плоть художественных образов песен. Бочаров прав, критикуя отдельных поэтов за непонимание этой особенности жанра.

Вместе с тем песня не может быть и «бесличной». Хотя она и близка по своим чувствам и мыслям многим людям, это не мешает ей оставаться глубоко личным произведением создателя ее автора. Народное и личное составляют в ней органическое единство. Авторское начало современной песни проявляется не в том, что поэт только запечатлевает в образах свое индивидуальное, неповторимое видение мира, а в том, что он приобщается к народным чувствам, идеям и взглядам. Не коржа личным «самораскрытием» в узком смысле слова, поэт-песенник находит у народа те мысли и чувства, которые близки и ему, поэту. И в этом обнаруживаются его индивидуальные склонности и его творческие интересы. Без полного понимания «народной стихии» поэт-песенник всегда остается похожим на того литературного героя, который, решив «соединиться» с народом, перебрался в простое платье и пришел «грабдить сено»...

Такова суть общего взгляда на песню в книге А. Бочарова. Творческая практика поэтов-песенников с их удачами и ошибками полностью подтверждает правильность мыслей критика. Отличительные черты творчества В. Лебедева-Кумача автор книги видит в творческом использовании «обогатых возможностей эпичности, заложенных в песне». Песням этого поэта свойственно «активное утверждение единства судьбы личности и народа», выживание «коллектива в качестве лирического героя песни». Лебедеву-Кумачу принадлежит навсегда побывавшая нашему народу могучая и торжественная, как оратория, «Песня о Родине».

Наиболее последовательными преемниками песенной поэтики Лебедева-Кумача критик считает А. Бочарова. «Советская массовая песня». «Советский писатель», 1956, стр. 218.

стих считает Л. Опшнина и Е. Долматовского. Особая сердечность, мягкость и проникновенность стиха М. Исаковского гармонизируют с изображением светлого душевного облика советских людей. Весь мир обшла его песня о весне, расцветающих яблонях, туманах над речным простором и девушке Катюше. Творчество этих поэтов — большой вклад в развитие советской песни.

Говоря о народном характере песни, А. Бочаров сделал удачную попытку установить, какие черты присущи поэтике песенного жанра. В поисках ответа автор книги обратился к фольклору. Здесь, в глубинах народного творчества, кроется «секрет» песенности многих поэтических форм, усвоенных советскими поэтами.

Старые народные песни — результат долгого труда. Проходили десятилетия и даже века, прежде чем интел песня обрела, наконец, свою форму. Такой характер песенного творчества породил и народную массовую поэтику. В старой народной песне есть приемы и средства образности, в одинаковой степени свойственные всем творцам фольклора, независимо от их личных качеств. Эти особенности представляют особый интерес для поэтов, ищущих народные массовые поэтические формы. Однако среди приемов фольклора, обусловленных своеобразными, исторически неповторимыми обстоятельствами развития фольклора, эти средства создания образов принадлежат прошлому, и ничто может их оживить. Вот этого-то и не учитывает критик. Автору книги кажется, например, что в современных песнях, созданных поэтами, догматична система постоянных эпитетов. Сколь ни хороши эти эпитеты в народных песнях, они решительно противостоят самой творческой природе нашей современной массовой песни, не связанной с устоявшимися единообразными формами поэтического мышления. Примеры, которые приведены в книге: «Черные тени в тумане росы...», «Черной кровью путь отмечен до Белой реки...» и др. — это даже и не постоянные эпитеты, ибо постоянный эпитет неразлучен с тем словом, которое он определяет. Вообще следует заметить, что суждения критика о фольклоре нередко отличаются приблизительным характером.

Круг сложных вопросов, решенных и поднятых в содержательной книге А. Бочарова, несомненно, обратит на себя внимание всех, кто обеспокоен судьбами нашей массовой песни. И хотелось бы, чтобы в новых книгах было определено место и значение старых революционных песен и песен двадцатых годов в общей поэтической культуре нашего народа. Книга А. Бочарова не дает анализа этих песен, потому что это не ее цель. И не для упрека, а ради справедливости, хотелось бы оспорить мнение критика, считающего песни, созданные в двадцатые годы, творчеством, принципиально отличным от песен последующего времени. Это столь же массовая советская песня. Ее ценность заключается еще и в том, что она — живой мост, соединяющий творчество советских поэтов с песнями революционного подполья, с песнями протеста и борьбы городских окраин против старого строя. В борьбе с примитивными советопролетарскими «агитпесен» поэты двадцатых годов проносили традиции старой массовой революционной песни, обогатили песенное творчество темами и идеями гражданской войны и послеоктябрьского строительства новой жизни.

Замечательные песенные традиции советского народа должны помочь нашим поэтам в их борьбе с литературной халтурой, с лирикой пивного бара, с «стонами разбитого сердца»... со всем тем, что засоряет песенный «репертуар» советских людей. Век дурной песни короток. Это, однако, говорится не в утешение. Неворно пасивно ждать того времени, когда такую песню забудут. Создать песни более совершенные — значит одержать победу в сердце народа.

В. АНИКИН

Рисунки художника Н. Гордейкина к повести И. Котенко «Первый след». Книга готовится к печати издательством «Молодая гвардия».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

«МОСКОВСКИЙ ЛИТЕРАТОР». Вышел первый номер многотражной газеты-буллетеня «Московский литератор» — органа правления и парткома Московского отделения Союза писателей.

Задачи этого информационного буллетеня сформулированы в передовой статье К. Федина: «Выход нашего Буллетеня и предстоящая его систематическая работа помогут московским писателям объединить усилия всех жанровых секций... В этом главная цель нашей писательской газеты... Сочетать задачи частные каждой секции в отдельности с задачей общей всей литературы — в этом содержится основной смысл деятельности любой писательской организации, в этом и смысл издания нашей газеты. Буллетень будет надежным «связным» жанровых секций. Он должен быть также источником сведений о творческой жизни московских писателей. Он должен быть своего рода текущим отчетом о работе Московского отделения Союза писателей, критиком этой работы и организатором ее».

В вышедшем номере помещены отчет об обсуждении первой книги журнала «Молодая гвардия» на заседании секретариата Союза писателей СССР, выступление Н. Атарова о том, каким должен быть литературно-художественный журнал «Москва», сообщение о новом учебном годе в системе партийного просвещения «литературный сборник» на открытии партийного собрания писателей, посвященном вопросу освоения Сибири и Дальнего Востока, и другие материалы.

Газета будет выходить два раза в месяц. Казгослитиздатом выпущены в переводах на уйгурский язык произведения В. Короленко, М. Горького. В ближайшее время выйдет рассказ А. Чехова.

Из произведений уйгурских советских писателей издан первый сборник стихов молодого поэта И. Бахтия. До конца года будут выпущены сборники стихов И. Искандерова, Р. Калырова, Ю. Рахматбаева, а также сборник рассказов Г. Абдуллина. Намечается выпуск произведений современных революционных сирийских уйгурских писателей, рассказывающих о грандиозных социальных преобразованиях в Китае.

ЮБИЛЕЙ КУРСКОГО УЧЕБНО-ПОЭТА. В Ереване состоялся вечер, посвященный 50-летию со дня рождения и 30-летию научно-педагогической и литературной деятельности первого курда-этнографа, курдского поэта, кандидата филологических наук Авдала Аминя, автора более десяти научных трудов по этнографии курдского народа. Им составлены почти все учебники курдского языка для средних школ, а также руководство для педагогов-курдов. Наряду с научно-педагогической деятельностью поэт написал более 60 повестей и рассказов о своем народе.

РАСШИРЕНИЕ МУЗЕЯ Н. ОСТРОВСКОГО. Около дома писателя в Сочи построено новое двухэтажное здание выставочного зала второго этажа размещена экспозиция, рассказывающая о жизни, общественной деятельности и творчестве писателя. В первом этаже находится детская библиотека.

КОМИССИИ ПО ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДСТВУ. Союз писателей Башкирии создал комиссию по литературному наследию одного из основоположников новой башкирской поэзии Шахвалды Бабяча. В этом году будет издан одноименный избранный стихов Ш. Бабяча. Созданы также комиссии по литературному наследию Имая Насыри и Афзаала Тагирова.

Рисунки художника Н. Гордейкина к повести И. Котенко «Первый след». Книга готовится к печати издательством «Молодая гвардия».

В ОДНОМ РАЙОНЕ...

С. НИКИТИН

В ЛАТЫШСКОМ колхозе «Вешнее земее» владычествует председатель Бутис — грубиян, пьяница, рвач. Свора бывших кулаков, замаскированных под колхозников, используют невежественного председателя в своих целях, умело подогревая в нем «руководящий» пыл.

— Какое имешь право! Я председатель! Я ему покажу!.. Человек — не допашь, всякому терпению конец! — кричит Бутис на недолюбленных.

И люди на время робко замолкают. Но человек действительно не допашь, и его терпению наступит конец. Молодой бригадир коммунист Эдуард Габалинь решительно встает против председателя.

Так начинается повесть Евгения Ратнера «Авторитет».

Но сразу Габалинь находит верный путь в борьбе с распоясавшимся председателем. Сначала он пробует «убождать» в одиночку, жаловаться районному руководству. Но его попытка обратиться с письмом к секретарю райкома Мурнирку неожиданно оборачивается против него самого. Снятый с бригадирства, обвиненный доводом предположением, опытным оратором, заведующим сельхозотделом райисполкома Силакактынем в склонничестве, Габалинь горит духом и даже пробует залить горе вином.

— Что я могу сделать? — сокрушенно говорит он жене Дайне.

— ...Что-то тут не так. Ну сам скажи — разве может быть, чтобы для правды заросли все дороги? — подбуживает Дайна мужа.

Нет, не может! И постепенно Габалинь вместе с новым председателем райисполкома Абеде — умной женщиной, кандидатом в члены ЦК — и передовыми колхозниками находит дорогу к правде.

Писатель убедительно показывает, на что способен настоящий, неприкрытый, но недостаткам коммунист, если он думает прежде всего об общей пользе, о торжестве колхозного дела, если действует не в одиночку, а опирается на народ, сверяя каждый свой шаг, каждое действие с жизнью, с мыслями и волей простых людей. Мы видим, как вместе с ростом поддерживаемой и активизируемой им творческой инициативы колхозников, вместе с ростом дела растет сам Габалинь, укрепляется и поднимается его авторитет — подлинный авторитет настоящего руководителя.

Вторая часть повести посвящена в основном Мурнирку, секретарю райкома, и Якобсону, председателю передового в районе колхоза. Почему Мурнирку так равнодушно, наплевательски отнесся к жалобе Габалиня? Вторая половина повести отвечает на этот вопрос. То и дело возвращаясь в прошлое из жизни Мурнирку, автор воссоздает картину постепенного его перерождения, показывает истинное содержание мнимого, ложного «авторитета».

— Я сказал! Я распорядился! Делайте, что приказано! Какие могут быть возражения! Меня партия поставила! — вот набор «руководящих» окриков Мурнирку. Новому председателю колхоза «Вешнее земее» Габалиня он напутствует словами:

— Сорвешь сев, партийный билет отберу, не пожалею!

На письменном столе секретаря райкома — папки постановлений, директив, при-

Евгений Ратнер. «Авторитет». Повесть. Латвийское государственное издательство, 1956, 335 стр.

Рисунки художника Н. Гордейкина к повести И. Котенко «Первый след». Книга готовится к печати издательством «Молодая гвардия».

В ОДНОМ РАЙОНЕ...

С. НИКИТИН

казов, указаний, разъяснений, напоминаний, длиннейших сводок, победных реляций, громких обязательств... Жизнь людей «работает» Мурнирку видит сквозь чернильные классы аяков. Все люди для него на одну колдуку, нечего да и некогда с ними особенно «возиться»: отстал распоряжение — и точка.

Чувствуя свое отчуждение от людей, Мурнирку все надежды возлагает лишь на высокое положение, на авторитет руководителя. Авторитет нужен даже не для него лично, нет, Мурнирку — не примитивный карьерист. Авторитет для Мурнирку есть часть символа веры народа в общее дело, а поэтому «символ» этот должен выглядеть надлежащим образом. Сам собой авторитет не придет, его надо укреплять. Прежде всего форма. Никаких цивильных костюмов! Только строгая, нагудку застегнутая синяя тулужка и ботинки, заправленные в сапоги, в лицу руководителя. Затем — ритуал приема посетителей в строгой последовательности от того, какой это посетитель. Рабочий работник, например, входит в кабинет, чувствует «дистанцию» между собой и руководителем. Очень важен и голос, каким отдаются распоряжения.

Дело доходит до того, что по инициативе того же Силакактыня по району развешивается целая кампания подготовки к достойной встрече дня рождения секретаря райкома. Узнав об этом, Мурнирку полагал: «Мне это, конечно, ни к чему, но если на полях дела...».

Органически входит в повесть третий образ, третий «авторитет»: Янис Якобсон, председатель передовой артели района, один из зачатей колхозного движения в Латвии, честный, трудолюбивый человек, постепенно вытесняется секретарем в глупую охоту за авторитетом. Раньше у Якобсона был настоящий авторитет, который подкреплялся такими солидными аргументами, как высокие урожаи, полновесный трудодень, непрерывное улучшение благосостояния колхозников. Тогда председатель работал вместе с людьми, жил их надеждами и стремлениями, волею коммуниста направлял колхозников к новым и новым достижениям. Но теперь Якобсон почти не бывает в своем колхозе. Он — член пленума райкома, депутат райсовета, председатель многих районных комиссий. Даже в спортеблизости у него казало-то должность. До колхозных ли тут дела!

А Мурнирку доволен: вот воспитал, поднял из «низов», вырвал деятеля такого «масштаба».

— Да если б я захотел, — говорит он жене, — Якобсон мог бы уже быть заместителем, а то и председателем райисполкома... Но я специально держу его на колхозе. Он прославил наш район, как Паша Ангелина прославил Старо-Бешевский район в Донбассе. Я уговорил ему тот же путь. Он, как и она, станет у меня лауреатом, депутатом Верховного Совета...».

Якобсон в свою очередь начинает оказывать губящее влияние на окружающих, на всю жизнь колхоза. Чтобы потратить чуждое своему «хозяйству», он открывает в колхозе Дом сельскохозяйственной культуры.

Рисунки художника Н. Гордейкина к повести И. Котенко «Первый след». Книга готовится к печати издательством «Молодая гвардия».

В ОДНОМ РАЙОНЕ...

С. НИКИТИН

Огромнейшая вывеска, приглашающая в столицу газетчики, кинооператоры, заместители министров... Под грохот оркестра и громкие салюты Дом открылся... на следующий день был забыт. Пусть. Главное, поддержал авторитет, есть о чем писать в очередной реляции.

Вот в такой обстановке выгодно живется брутисам, силакактыням и иным туснедам.

Книга кончается тем, что честные коммунисты, опираясь на передовых колхозников, свободных от «позорного благозвучия», в нелегкой борьбе развенчали мнимые и утвердили подлинные авторитеты.

И все-таки, несмотря на эту «ясность», закрываем книгу Е. Ратнера мы с некоторым неудовольствием. Если в первой части повести главным героем четко определен Якобсон, то во второй отодвигается авторитет и оказывается все основное конфликта. Главными движущими силами в произведении становятся Якобсон и Мурнирку. Фигура Габалиня же, как настоящего борца за интересы народа и государства, растет в глазах читателя лишь до того момента, когда он занял пост председателя колхоза. Ну, а дальше, на плацдарме района? Если образ Габалиня противопоставлен Якобсону, тогда мы должны были и во второй части увидеть его в «двигании» в борьбе с «мурниркушеством» и «якобсонщиной». Но этого не случилось. Правда, Габалинь эпизодически появляется и во второй части, но это все тот же Габалинь, с которым мы уже познакомились, и ничего нового в нем мы теперь не обнаруживаем. Симпатии читателя к нему как бы то и дело сходят с места. Все, что он делает во второй части, — нужно, полезно; но коль скоро он оказался на задворках основного конфликта, в стороне от главного потока сюжета, образ его сразу потускнел.

То же случилось и с Абеде. До конца повести она так и не вступает в схватку с Мурнирку. А читатель очень ждал от нее решительных действий, ждал с надеждой. И обидно, что этот вполне зрелый человек так осторожно, медленно, прощупывая дорогу палочкой, движется вперед.

До художественно сильных, ярких, впечатляющих литературных типов Абеде и Габалинь из-за непродуктивности композиционных повести не доросли. Книга Е. Ратнера — хорошее доказательство того, что композиция, сюжет и прочие, как говорят, «элементы формы» имеют сугубо содержательное значение.

Габалинь до конца повести так и не освобождается от суверенного преклонения перед авторитетом Якобсона, и эту «слепо» мы не можем мотивировать и оправдать, она кажется предвзвешенной, искусственной. Быть может, автор хотел этим оправдать неучастие Габалиня в районных делах? Но если это так, то тем хуже для Габалиня и всей книги в целом. Зато в конце повести внезапно возник образ директора МТС Вейгайлыса, который молниеносно разобрался в обстановке и выступил на партконференции с резкой критикой Якобсона, то есть проделал работу, которая по праву принадлежит Габалиню или Абеде.

Композиционные просчеты Е. Ратнера прошли иранную брешь в книге. Расплывшись действительность, разорвав на куски взаимосвязь противоборствующих образов, автор ослабил звучание своего произведения.

Наконец он достигает перекрестка. Одна из дорог ведет в Шалтейки. Цок так само уломался — шоссе окончилось. Он идет по обочине ухабистой проселочной дороги. Ветви кустарника, орошенные свежей предутренней росой, умылают его уставшее лицо. Это привет, это первое трепетное прикосновение родного края. Где-то вдали пролет пелух. Только теперь заметил Мартинас, что движется навстречу заре...

Восток подернулся румянцем. Мартинас входит в сосновый бор. Высокие наросшие сосны гурьбой окружают его, а за ними — родное село Шалтейки. От деревьев, кажется, рукой подать до все шире разгорающейся зари. Она сияет уже ослепительно ярко. А ветви деревьев наклоняют причудливо вытянутые денечки руки.

Ночное небо постепенно синеет. Месяц облаком затерялся в небесных просторах. Что сегодня за день? Не воскресенье ли? Да, именно воскресенье. Там, очевидно, был первоначальный день отплытия. Только там, а не иным... В этот день мог отплыть даже бог, потому что никто ему не мешал. Ведь здесь не Верден...

Мартинас сидел во дворе на скамейке под каштаном. Он настолько окреп душой, что не побоялся шумного привнесения пса Амура. Но он настолько свихнулся с окружающей тишиной, что шум, вызванный собачьим лаем, звучал у него в голове с силой, напоминающей грохот снарядов. Этот шум был настолько назойливым, что, закрыв глаза, Мартинас опять ясно увидел и услышал верденский фронт. В это время в доме осторожно отворилась дверь, и в образованную щель выглянул вначале только один глаз его матери Каралене, потом медленно высунулось все ее лицо. Она была одета как-то — одна рубашка да юбка.

— Воженья ты мой, неужели это ты, Марчюкас? Думаешь себе, отчего это пес залаял да вдруг умолк. Сердце мне тут и подкачалось: видно, знакомый. Отворилась дверь, а Амур хвостом землю метет... И как это он тебя узнал после стольких лет? Здравствуй, здравствуй, Марчюкас!

Голос матери вывел Мартинаса из задумчивости. Он открыл покрасневшие и заплаканные глаза. И словно удивился, увидев свою мать. Мартинас не хотел верить, что он уже дома. Медленно поднялся со скамьи, будто каждое движение стоило ему огромных усилий, и направился к обрадованной и взволнованной старушке. Как-то неслучайно, медленно прогнув ей свою высокошую руку. Мать об-

вила свои руки вокруг его шеи и расстроганно поцеловала. Для этого ей надо было слегка подтянуться, так как он за три года еще больше вырос.

Теперь и Мартинас как-то робко и сдержанно обнял мать, — в семье Караленос скупно выражали свои чувства, — положил голову ей на плечо и глубоко-глубоко вздохнул.

— Я снова дома! — хочет он крикнуть от радости, но молчит. Слова эти выражали бы его восторг и линование, но он так устал, так болен, а впереди обратный путь. Прижавшись шеей к телу матери, он почувствовал, как в него спускаются веки. Настылаве ладонь матери гладил его сторбленные плечи.

— Снажи, Марчелюс, почему ты молчишь? Говорить научился, что ли? — слегка отстранив его от себя и глянув ему в глаза, спросила Каралене, когда Мартинас на мгновение оточул в пылом взгляде матери. И мать вздрогнула: неужели это взгляд ее Мартинаса, ее самого молодого и любимого сына? Он показался ей таким чужим, таким... Каралене не знала даже, с чем этот взгляд сравнить. Ей думалось, что в глубине его витает тень смерти... О, какое родное, какое любимое лицо, и как оно заросло волосами!

— Здравствуй! Давно пора и тебе приехать в отпуск. А ты все не показывался, и нам казалось, что ты обязательно хочешь кончить войну или вооружаешься, что без тебя там все полетит вверх тормашками. Вилос же думает иначе...

— Давно бы я оставил войну войной, — увидел ее, оживившись, проговорил Мартинас, — если бы только мог, конечно. Сколько раз просил отпуска, но мне его не давали.

А другие не просят и получают... Сказав это, молодая Каралене ушла во двор и принесла из амбара полный горшок сметаны. Тотчас же и в ней светлелись, обемались, выпрыгнули, выпрыгнули голубые курлы, утки, гуси, индюки, голубы. Появились в сопровождении наседок цыплята, гусята, проси зерна полущие, чем овес, — они не могли еще клевать. Петухи затеяли драку, и на них бросился злой гусак. Он так отчаянно шипел, что его и без того длинная шея стала еще длиннее.

Из сарая, между тем, выбежал мальчик. Вид у него заспанный, взъерошенный. Он направился к амбару. Дверь амбара окована железом, на ней висит огромный замок. Мальчик с грохотом открывает дверь, кричит во внутрь, и ему кто-то отвечает.

— Я послал телеграмму... — ответил Мартинас, стараясь скрыть волнение и поэтому умышленно зевая. — Не получили?

— Нет! Если бы знали, никогда не позволили бы тебе так далеко идти пешком!

Мартинас только теперь заметил, что двор аккуратно подметен, посыпан песком. Кое-где лежат опавший каштановый лист. Стел, за которым они сидят, тонне старательно вымет.

— Что это вы сегодня так разукрасились, гостей идете, что ли? — переводит Мартинас разговор на другую тему, и где-то в глубине души подымается зависть, а вместе с тем и надежда, что это сделано в честь его возвращения.

— Нет, Мартинас, ведь сегодня троица!

— Доме уже все встали Служанки выбежали во двор и, с любопытством взглянув на них, снова скрылись. Внутри дома послышался шелест, сдержанный смех. Где-то зазвенели ведра. И — снова молчание.

На пороге появилась Грете Каралене. Спокойно, гордо, будто совсем не удивившись, с легкой деланной улыбкой на лице подошла она к Мартинасу и протянула руку.

— Здравствуй! Давно пора и тебе приехать в отпуск. А ты все не показывался, и нам казалось, что ты обязательно хочешь кончить войну или вооружаешься, что без тебя там все полетит вверх тормашками. Вилос же думает иначе...

— Давно бы я оставил войну войной, — увидел ее, оживившись, проговорил Мартинас, — если бы только мог, конечно. Сколько раз просил отпуска, но мне его не давали.

А другие не просят и получают... Сказав это, молодая Каралене ушла во двор и принесла из амбара полный горшок сметаны. Тотчас же и в ней светлелись, обемались, выпрыгнули, выпрыгнули голубые курлы, утки, гуси, индюки, голубы. Появились в сопровождении наседок цыплята, гусята, проси зерна полущие, чем овес, — они не могли еще клевать. Петухи затеяли драку, и на них бросился злой гусак. Он так отчаянно шипел, что его и без того длинная шея стала еще длиннее.

Из сарая, между тем, выбежал мальчик. Вид у него заспанный, взъерошенный. Он направился к амбару. Дверь амбара окована железом, на ней висит огромный замок. Мальчик с грохотом открывает дверь, кричит во внутрь, и ему кто-то отвечает.

— А у нас два француз, — говорит мать.

— Ага! А этот пузырь, значит, их надзирает?

— Да... Что-то вроде этого... Но он у нас, в общем, осторожный... Ты ведь знаешь, что с Павлуосом несчастье случилось. Он застрелился.

— Ничего не знаю, — отвечает Мартинас.

— Как же? Ему любопытно стало, как винтовая внутри устроена Стал он ее цупать, потом разбираться, а она — бац! и... наповал! Кап! ужасно!

Подумавшись, Мартинас видел вещи страшнее этих. Это ведь только несчастный случай. Павлуос был, конечно, хорошим парнишкой, но Мартинас от этого ни холодно, ни жарко! Таких еще много будет... На фронте он видел мужчин, которым он не под стал, и то погибали...

— Вилоснас просил еще больше пленных, но ему не дали. Хотели и этих отнять. В конце концов оставили и сназали, что Вилос это заслужил.

Уголки губ Мартинаса кривятся в презрительной усмешке. На лице его написано отвращение. Он отворачивается и нарочито грубо, по-солдатски, сплевывает. После этого он вынимает сигарету и закуривает.

— Есть мне ничего не дашь?

— Ок, боженька мой, да я совсем забыла! — вскопчила Каралене. — Бедняжка, когда ты кушал в последний раз?

Мартинас пожимает плечами и раздумывает, что ответить, как вдруг на пороге появляется Вилос Караленос.

— О, Мартин! Чтобы тебя дьявол съел! Ведь я... Вилос, разве можно так встречать брата? Еще только раннее утро, а уже черт на языке, — упрекает мать и исчезает в избе.

Стоя на пороге, Вилос роется в кармане.

— Ведь я вчера получил... телеграмму... Где она у меня... Этак забыть... Вот она...

— Зачем она теперь мне? За нее я последние деньги отдал, чтобы предупредить.

— Значит, ты пешком пришел?

— Нет, на цепельне прилетел.

— Но ведь бывает, что забываются, на это нельзя ведь сердиться. Да ты ведь еще молод, что тебе пройти пару шагов! Мускулы поразмять, и только... Ах да, ты ведь писал о контузии. Но ведь... ничего не видно.

Мартинас ничего не ответил. Его взгляд устремляется к колдуку, у которого моются военнопленные.

— Ну и вернулся же ты домой палачом, больно хвост задирался, — продолжал Вилос. — Ты должен ведь знать, что мои лошади не трусят боками о стены конюшни. Они должны работать. Как запратаем мы их в начале недели, так и не сдвинувем сбруи до самой субботы, до вечера.

Мартинас, позевывая, поворачивается к брату и начинает наблюдать за ним: Вилос отстранил животики, лицо у него широко, глаза заспаные. Старая куртка не сходится, стала коротка. Солдатские ботинки так плотно обтягивают ноги, что, глядя на него, становится смешно.

Мартинаса охватывает желание грубо, по-солдатски, сплунуть у него во рту собираются даже слюна. Но он знает, что сплунуть по-солдатски — это искусство, которому надо научиться. А ему это не всегда удается. К тому же возвращается Грете. Умышленно, чтобы слышала Грете, он с издевкой спрашивает:

— У тебя, как я вижу, волосы от войны не седеют.

Из комнаты выбегает мальчуган в обильной рубашонке и падает прямо в объятия матери:

— Мамочка, где мои штанишки, знаешь, те самые хорошие? Ведь сегодня... ведь сегодня...

— Сегодня троица. Ты слишком рано встал.

Гейне, разве я не приказывал, чтобы ты говорил по-немецки? — гнезским и вместе с тем горлым то

ДЕНЬ БЕЛГРАДА

Белград. Уголок площади Терезы.

Центральные улицы Белграда внезапно переходят в усыпанные золотыми листьями аллеи парка Калемегдан. Он занял выгодную высоту на стрелке Савы и Дуная. Белградцы ловят здесь скапывающее осеннее солнце. Рассеившись на скамьях, они закипают бутерброды горячим кофе из термосов, кофолы, напитоком по их мнению, мало уступающим кока-коле.

Лучшее место в Калемегдане — площадка над обрывом. Здесь — высокая колонна, увенчанная статуей античного воина-победителя. Отсюда открываются умопомрачительные дали, золотые леса, спускающиеся к реке, светлые каскады белградских кварталов. Внизу караваны барж преодолевают течение. Большой мост, открытый совсем недавно, перекинут неподалеку через Саву на тот берег, где строится новый Белград. Первые его здания поднимаются уже над песчаной пустошью.

Любуясь всем этим, не сразу заметишь надпись на постаменте колонны воина-победителя. Ее буквы поплыли коричневой краской, выцветли. Надпись коротка: «Проверено. Мин нет».

Двенадцать лет назад здесь был русский сапер. Может, под огнем тех пушек и танков, которые ржеают теперь экспонаты Военного музея в Калемегдане, он падал в холо-

дную, липкую грязь осенних дорог Сербии. Падал, чтобы подняться и идти на Белград, куда врался 3-й Украинский фронт. Рядом наступала Народно-освободительная армия Югославии. Вел ее маршал Тито, прилетевший на самолете советского летчика П. Михайлова с острова Вис, чтобы лично руководить боями.

Наверно, наш сапер брался на горящих белградских улицах с незнакомыми родными людьми. А потом вылавливал черные мины из Дуная, расчищая путь баржам с русским хлебом, которого ждал голодный Белград.

В день, когда простреленное горло знамя поднялось над Калемегданом, маршал Тито писал о нелегкой победе: «Освобождение Белграда для наших народов имеет историческое значение, особенно потому, что страна этих измученных народов является той ареной, где совместно проливали кровь сыны Великого Советского Союза с достойными сынами Югославии. Этим еще раз крепко запечатлено кровное братство народов Югославии с народами Советского Союза».

Пурпурные гвоздики рдеют сегодня на белых мраморных плитах братского кладбища, где под сенью плакучих ив лежат рядом Славо и Иваны, Бранки и Маша, многие из тысяч героев, сло-

живших головы за Белград. Вечная им слава!

А вокруг тихого этого кладбища бурлит всепоглощающая жизнь. Белград просыпается раньше солнца. Еще затемно вспыхивает свет в окнах его заводов и ветер раскачивает яркие лампы над лесами новостроек. Строят в городе много. В этом году строится почти пять тысяч домов, десятки школ, гостиницы, пристань, рынок, еще один большой мост.

Историк скажет вам, что на стрелке Дуная и Савы люди жили еще четыре тысячи лет назад. Во времена Рима Белград уже был городом и в нем стоял Четвертый легион Флавиус. Но сегодняшний Белград — молод. Победа народа омолодила его. Город освобождается от оставшихся кое-где еще с феодальных времен кривых, узких улочек, — их расширяют, спрямляют. Запах горячего асфальта печетечет ноздри. Тут и там стучат каменотесы. Совсем недавно Дечанская улица была изрыта, перегорожена — и вот она уже широким выливается гладким асфальтом на площадь Маркса и Энгельса.

Это строгая площадь. Ее украсит памятник основоположникам научного социализма. Но, как говорят белградские товарищи, идея памятника выражается абстрактно. Это будет два дина-

мично рождающихся из общей арки обелиска, вертикально устремленные вывесы.

Некоторые утверждают, что эта идея будет поворотом в постройке и планировании памятников в Югославии. Другие не согласны с ними. В Белграде вообще много дискуссий: и об искусстве, и о спорте, о последних новостях. Нельзя представить себе белградца без газеты. Газет много и своих, и зарубежных.

В столице много говорят о Суэце. На заборках белеют объявления народных читателей: «Сегодня лекция о суэцкой проблеме».

Отвлекаясь несколько в сторону, упомяну об отношении югославов к некоторым, так сказать, весьма конкретным аспектам этой проблемы. В приморском городе Риека председатель портового комитета профсоюза Степан Барич показал мне стоявшее у причала океанское судно. Над его кормой развевался зеленый флаг Египта.

— Английский капитан невозможно удрал, — смеясь, кивнул Барич. — Но парод ходит, да! Его водит наш югослав.

Он добавил, что в Египте работают 11 югославских моряков. Четверо из них плавают капитанами.

— Египетские моряки говорят: те-

перь мы понимаем, что и капитан может быть другом матросу, — закончил мой собеседник.

...Но вернемся в Белград, где с наступлением сумерек на улицах, примыкающих к Калемегдану, редкие автомашины безнадежно застревают в густой толпе гуляющих.

Кричат газетчики, продавцы лотерейных билетов. Человек двести собралось посмотреть новинку для Белграда: в окне второго этажа синевато светится экранчик телевизора. Полны кафе, рестораны, бары. У стоек рестораничек — эспрессо прохаживает удивленную луком вареную фасоль, фаршированный перец, гуляш. Не грех

пропустить на ночь и рюмку-другую «лютой» сливочки.

В Осло вечерняя улица молчала, в Москве — сдержанно шумела. Здесь она шумит в полный голос, смеется весело, зарывающе.

Но вот половина десятого, десятье. Слово валом, слово валом — встает до света.

Засыпает и Калемегдан. Гаснут лампы холодноватого дневного света, и в полутьме уже нельзя разобрать надписи на постаменте: «Проверено. Мин нет».

Г. КУБЛИЦКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты» БЕЛГРАД, 19 октября. (По телефону)

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

ФОРУМ „ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ“

БЛАГА ОЧЕВИДНЫ

Морарджи ДЕСАЙ, главный министр штата Бомбей

ЭТО ПРЕДСКАЗАНИЕ СБУДЕТСЯ!

1. Я, конечно, за мирное сосуществование. Только безумец, который носится с мыслью об убийствах или самоубийствах, мог бы быть против.

2. Премущества мирного сосуществования как для Британии, так и для других стран, были бы следующие: а) экономические, б) политические, в) моральные.

А) В экономическом отношении все народы страдают от того, что они вынуждены непроизводительно растрачивать человеческие силы и деньги на вооружения. Если же направить эти ресурсы во все большей и большей степени, а затем и целиком использовать в конструктивных целях, то в ближайших тридцать лет мир можно будет преобразовать.

Это особенно верно в отношении остальных районов земного шара, для развития которых следовало бы израсходовать значительную часть сэкономленных таким путем средств, действия, главным образом, через органы ООН. Такая промышленная и экспортная страна, как Британия, несомненно, вкусила бы плоды всеобщего процветания. Приведу пример: народы Среднего Востока, прозябающие в нищете, стали бы получать справедливую цену за свою нефть. Англичане, равно как и другие потребители среднеазиатской нефти, были бы в состоянии платить такую цену, поскольку их бюджеты не были бы перегружены расходами на вооружение. В свою очередь нефтеносные страны получили бы необходимые средства для приобретения машинной оборудования и потребительских товаров у государств-экспортеров.

В) После второй мировой войны Запад до известной сте-

Том ДРАЙБЕРГ, член английского парламента

пени избежал безработицы благодаря тому, что на вооружение затрачивались огромные суммы и большие контингенты людей содержались под ружьем. Радикальное разоружение в условиях политики laissez-faire * или ограниченной, присутствующих монополистическому капитализму, могло бы привести к массовой безработице. Чтобы избежать этой опасности, которая могла бы вызвать резкие волнения, западным государствам пришлось бы планировать свои ресурсы и свое экономическое развитие в интересах общества в целом, а не в интересах одних капиталистов. Таким образом, каждая страна нашла бы свой собственный путь к социализму (в некоторых случаях он носил бы, несомненно, иное название), ибо социализм явно оказался бы более динамичным и более эффективным методом организации общества.

Одновременно с этим постепенный рост грамотности и процветания в прошлом остальных народов сделал бы невозможным дальнейшее сопротивление колониальных держав требованиям этих народов о предоставлении им права на национальное самоопределение. И империализм, заметно пошатнувшийся на протяжении последних лет, был бы окончательно повергнут в прах.

С) Моральные блага мирного сосуществования, значение которых будет сказываться длительное время, носят и частный и общий характер. В частности, совесть человека из-

бавилась бы от сознания ответственности за ядерное оружие — по своему существу самую безразличную из всех форм ведения войны, так как даже испытание этого оружия создает биологическую опасность для потомства.

В общем плане прекращение эксплуатации человека человеком как в результате внутреннего преобразования капиталистических стран, так и благодаря ломке империалистических отношений между расами и нациями постепенно создало бы условия, необходимые для глубокого изменения всего мировоззрения людей. Когда стяжательство перестанет быть господствующим стимулом в жизни общества и между отдельными людьми и народами будет установлено подлинное равноправие, исчезнет первобытный страх перед чужеземцами, и тогда, наконец, наступит век братства всего человечества.

Предсказание это оптимистическое и, разумеется, чересчур упрощенное. Оно не учитывает переход к общественной собственности, который так же существенно необходим для установления социализма, как и правильное экономическое планирование; оно не принимает в расчет сопротивление, которое следует ожидать со стороны реакционных элементов. И все же это предсказание может и должно сбыться, если мы хотим со всей искренностью приняться за воплощение в жизнь идеи мирного сосуществования.

Tom Driberg. ЛОНДОН, Англия.

Я получил письмо, в котором меня приглашают принять участие в форуме по вопросу о мирном сосуществовании и просите ответить на два вопроса, содержащиеся в письме.

Мои взгляды на проблему мирного сосуществования сходны с точкой зрения премьер-министра Индии. Неоднократно он разъяснял по различным поводам принцип мирного сосуществования, как составную часть «пача шила». Я прилагаю выдержку из речи, произнесенной им в Калькутте по случаю гражданского приема, устроенного 30 ноября 1955 года в честь гг. Булланина и Хрущева.

* «Мирное сосуществование не является новой идеей для индусов. Это был наш образ жизни, и это так же старо, как наше мышление и наша культура. Две тысячи лет назад великий сын Индии Ашока провозгласил ве и вывел на скале, которая существует и сегодня и передает нам его послание. Ашока говорил нам, что мы должны уважать веру других, что лицо, которое восхвалит свою собственную веру и унижает другую веру, наносит вред своей вере. Это — урок терпимости и мирного сосуществования и сотрудничества, в который Индия верит и в течение многих столетий. В прежние времена мы говорили о религии и философии. Теперь мы говорим больше об экономических и социальных системах. Однако подход является таким же, как и раньше».

Вот почему мы стараемся быть дружелюбными со всеми странами, соглашаемся ли мы с ними или нет. Мы не можем вернуть живьем от критики других стран даже тогда, когда мы не соглашаемся с их политикой, если только обстоятельства не вынуждают нас объяснить нашу точку зрения.

Из этого, естественно, следует, что мы должны сохранять мир и свободными от военных и других подобных союзов и не присоединяться к любой из групп великих держав, которые сегодня господствуют над миром. Мы проводим нашу собственную независимую политику не в духе гордости или философии. Мы приветствуем союз и дружбу со всеми и поток мыслей и идей всех видов, мы резервируем право избирать свой собственный путь. В этом заключается сущность «пача шила».

Касаясь выгоды, которые мирное сосуществование сулит народам Индии, могу сказать, что блага, какими дает такая политика, должны быть очевидными для всех народов мира. Это ясно, в частности, из Совместного заявления премьер-министров Индии и Китая, сделанного 28 июня 1954 года, выдержку из которого я также прилагаю.

Искренне ваш

Морарджи Десай

БОМБЕЙ, Индия.

* «Недавно Индия и Китай заключили соглашение, в котором они изложили определенные принципы, которые должны определять отношения между двумя странами. Эти принципы следующие:

- 1) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета;
- 2) ненападение;
- 3) невмешательство во внутренние дела друг друга;
- 4) равенство и взаимная выгода;
- 5) мирное сосуществование.

Премьер-министры подтверждают эти принципы и выражают мнение, что их следует применять в их отношениях с другими странами мира. Если эти принципы будут применены не только к отношениям между различными странами, но также к международным отношениям вообще, они явятся прочной основой мира и безопасности, а следовательно, и благополучия существующие в настоящее время уступат место чувству уверенности».

Премьер-министры признают, что в различных частях Азии и мира существуют различные социальные, политические и экономические системы. Если, однако, вышеупомянутые принципы будут приняты и будут применяться и ни одна из стран не будет вмешиваться в дела другой страны, то это различие не будет мешать миру или вызывать конфликты. При наличии гарантии территориальной целостности и суверенитета каждой страны, а также гарантии ненападения, заинтересованные страны будут мирно сосуществовать и между ними будут дружественные отношения. Это содействовало бы оживлению существующей международной торговли, промышленности и созданию атмосферы мира».

Мирное сосуществование? Да, да и да!

Мы ЗНАЕМ, что форумом называлась площадь в древнем Риме, где происходили народные собрания, где публично читали политические трагедии и ораторы излагали и защищали перед толпой свои взгляды по тому или другому вопросу. Древнее слово это, в новом его понимании, означает опрос общественного мнения, открытые высказывания на ту или иную интересующую всех тему перед широким кругом читателей, радиослушателей или телезрителей.

«Литературная газета» применила эту широко распространенную в западной печати форму для опроса видных политических и общественных деятелей различных стран, которых попросила высказать свое отношение к идее мирного сосуществования. Задав вопросы, редакция заверила, что даст автору возможность обосновать любой ответ по существу.

Мирное сосуществование... Это — ведущая конструктивная идея века. Может ли она оставить равнодушным того, кто думает о благе народа, о судьбе культуры, о будущем человечества? И многие парламентарии, общественные деятели, писатели, журналисты, ученые, художники, деловые люди — граждане почти двадцати государств к которым обратилась редакция, охотно поделились с советскими людьми своими мыслями и соображениями.

И нам, гражданам страны, где идеи мира, дружбы народов, уважения суверенитета любого государства — и большого и малого — являются государственной доктриной, уважительно Конституцией, нам, скажем прямо, было радостно слышать, как ораторы этого газетного форума один за другим высказывались за мирное сосуществование государств с различными социальными системами.

Как вы относитесь к идее мирного сосуществования?

— Положительно, — заявляет один из старейших социал-демократических деятелей Европы, председатель палаты депутатов Бельгии и член Бюро Бельгийской социалистической партии Камилл Гюисманс.

— Отвечаю, не колеблясь и безоговорочно: от всего сердца я приветствую эту идею, — говорит Сайрус Итон, американский промышленник и банкир, один из тех, кого в Соединенных Штатах называют большими капитанами индустрии.

— Я всей душой за него! Должен добавить, что различные политические системы не являются непреодолимым препятствием для проведения в жизнь идеи мирного сосуществования. Страны Азии и Африки доказали это на деле, когда приняли на Бандунгской конференции свои «десять принципов» («Даса-сила»), — отвечает Сартоно, председатель парламента молодой Республики Индонезия.

— К идее мирного сосуществования я отношусь положительно и готов всячески поддерживать ее осуществление, — пишет виконт Уильям Стэнгейт, англичанин, председатель Совета Межпарламентского союза.

— Мое отношение самое благоприятное, — говорит Чакраварти

Раджагопала Чария, бывший генерал-губернатор Индии и министр, видный индийский общественный деятель.

— Не могу себе представить, чтобы жизнь на нашей планете протекла дальше в какой-либо другой форме, кроме мирного сосуществования, — такъв ответ всемирно известного немецкого писателя-антифашиста Лиона Фейхтвангера.

— Думаю, что нет на свете человека, который бы рассматривал как проявление мудрости слова г-на Хрущева, сказанные им недавно в Лондоне по поводу мирного сосуществования, — заявляет Пьер Гаскар, известный французский писатель, лауреат Гонкуровской премии.

А египетский ученый-физик Мохаммед эль-Нади на вопрос о мирном сосуществовании лаконично отвечает: — Это — закон природы.

Разные голоса с разных концов земли на вопрос о мирном сосуществовании единодушно ответили: да, да и еще раз да. Это свидетельствует о том, что великая идея, за осуществление которой столь горячо борются государства социалистического лагеря, поддерживается народами всего мира, все глубже и прочнее укореняется во всех слоях населения. Это обстоятельство, в свою очередь, по закону своеобразной цепной реакции, вдохновляет борцов за мир на новые усилия в их благотворной деятельности.

И прав — сто раз прав! — немецкий писатель Арнольд Цвейг, который, выступая на этом форуме, произнес пламенные и справедливые слова:

— Была пора, когда «единственное» выступало в религиозном обличье — наиболее важном человеку как индивидуальности, которое греки называли «агон» (состязание), проводится во всемирном масштабе. Именно таким путем будет установлено, как наилучшим образом обеспечить условия жизни и культурного расцвета.

Мирное развитие стоит перед всеми нами как наиболее существенная и жизненно важная задача.

Под этими словами одного из старейших современных немецких писателей подлинится сегодня, как мне кажется, каждый разумный человек, любящий свою страну, свою культуру, заботящийся о благе своего народа, желающий счастья своим детям.

Ни один из приглашенных выступить на форуме перед миллионами советских читателей не высказался против мирного сосуществования, не взял на себя труд защищать политику «с позиции силы», не потребовал продолжения холодной (как начала горячая) войны. Но некоторые из тех, кого редакция просила изложить свое мнение по этому вопросу, кровно заинтересованному все народы, отказались. И это молчание кажется очень многозначительным.

В числе других были приглашены выступить на форуме американские обозреватели Уолтер Липпман и Стюарт Олсон, редактор

популярного журнала «Нейшн» Кюри Мак-Уильямс и еще кое-кто из американских журналистов, известных тем, что они живо реагируют своими статьями на все события международной жизни. Их попросили высказать свое мнение (каким бы оно ни было) и обосновать его на страницах «Литературной газеты». Все они, к сожалению, ответили молчаливым Стюарт Олсон запросил даже, на какое место в газете он может рассчитывать, будет ли редакция сокращать или иным образом редактировать все, что он напишет, получит ответ, что обмен мнениями — свободное и, следовательно, его высказывание редактироваться не будет, и тем не менее промолчал.

Я далекий от мысли приписывать нашим заокеанским коллегам на основании этого молчания противоположную точку зрения, нежели та, которая была выражена участниками форума, или высказывание на страницах советской газеты свою точку зрения по важнейшему вопросу международного жизни.

Мне просто вспомнились жаркие и многочисленные споры, которые мы, советские журналисты, год назад совершили поездку по США, вели в редакциях американских газет и в залах прес-клубов, о свободе печати, о прав журналиста высказывать свою точку зрения в газете любой страны и аргументированно защищать ее перед читателями, другой национальности. И еще вспомнил мне открытый форум, организованный крупнейшей американской радиостанцией и телевизионной компанией «Нейшнл бродкастинг компания», где мы, семеро советских журналистов, вели публичный спор по всем аспектам международной и

К итогам форума «Литературной газеты»

внутренней жизни наших стран перед лицом пяти миллионов телезрителей. Спор был жаркий и острый. Каждая из сторон стойко защищала свое мировоззрение, свои взгляды, предоставляла американцам, сидевшим у телеэкранов, быть судьями этого спора...

— Один такой форум стоит нескольких дипломатических дискуссий, — сказал, провозгласив нас, редактор программы. Это было великим преувеличением, но всех нас согрело сознание того, что в этот день и мы и наши американские оппоненты положили по кирпичику, пусть по самому маленькому, в основание еще не построенного моста взаимопонимания между нашими народами.

И думается мне, что ни один из моих коллег — советских журналистов не отмоchlся бы и не ответил отказом на приглашение любой американской, английской, французской и всякой другой газеты, предложить ему высказаться и обосновать свою точку зрения по столь важному вопросу, суть которого сводится к тому — быть или не быть войне.

У этого, по существу, первого международного форума, организованного в советских газетах, были и недостатки. Он слишком затянулся, недостаточно широко охватил различные слои населения. Но при всем том у него было одно неоспоримое достоинство: это было широкое и непредвзятое выяснение точек зрения. И то, что все оппоненты единодушно назвали мирным сосуществованием государств с различными социальными системами, было твердое ДА, лишней раз свидетельствует, что силы мира крепнут и сплачиваются на нашей небольшой и старой планете.

Т. ТИМОФЕЕВА, собственный корреспондент «Литературной газеты» ПХЕНЬЯН, октябрь.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.